

В пятнице 13 судеб

Роман о демонах в Раю...

16+

ИВАН ЕЛЬЧАНИНОВ

Иван Владимирович Ельчанинов

В пятнице 13 судеб. Роман о демонах в Раю. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42733451

SelfPub; 2019

Аннотация

"В пятнице 13 судеб. Роман о демонах в Раю" – это не сборник ужасающих историй, ведь демоны и зло здесь не такие, какими все мы их привыкли представлять. Это роман о мире живых и мире мёртвых, о Боге и дьяволе, об ангелах и демонах, об искажённом зле, невидимом добре. Это роман о том, как мир умеет процветать, как мир умеет падать...

Содержание

Часть	17
Глава 2	38
Г	69
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Пролог...

Он стоял над обрывом и слушал пение сверчков. Сегодня их колыбельная родилась до сумерек, и это спасало ему жизнь. Так называемое, незримое чудо – сегодня спаситель для него. Ещё целый час жить солнцу в этом дне, а они уже поют. Сверчки мешали думать, потому броситься с обрыва не было возможности, хоть и желанием таким бесстыдно он горел.

На щеках давно высохли слёзы, а в руках мерцало то, ради чего он отдал Всё и в придачу пол жизни на поиски. Владел самой могущественной вещью на Земле, но желал броситься с обрыва – у судьбы чувство юмора высокое и очень острое...

Молодость уходила из-под ног, и он это чувствовал. Всё чаще рыдала спина и зудели колени, несмотря на то, что лицо не меняется дюжину лет. Быть может, уже и настала пора воспользоваться всемогущей семечкой, что так ярко вспыхивает по пятницам, призывая к великим вечерам.

Семя обжигает пальцы, когда просится на волю, для просьб своих не выбирает дни. Обжечь способно даже в воскресенье.

Пол жизни искал это орудие жизни, за миг нашёл и потерял своё Всё за этот же миг, и, что в итоге? И итог ли это?

Что-то шептало ему внутри, что он ещё не готов, не созрел, что для могущества ещё не время! Да и как быть го-

товым к мечте, когда отняли самое дорогое, что было в его жизни? В обмен на что? На это, так называемое, могущество? И, что он будет делать с ним, если, отныне, все мечты не принесут ни капли сладости, а всё сладкое растерялось среди сотен жадных и потёртых языков?!

Трудно было не заметить, как меняются взгляды людей. Вчера для них, всего лишь, император; сегодня смотрят, как на Божество! Считают, что от вспышки чувств в любой момент низвергнет он, кого угодно – будь то народ или синий океан!

Но он ещё не стал Божеством, ведь нутро говорит: «Не готов!». Хотя, нутро ли это говорит? Кому принадлежат эти разные по звучанию голоса в его разношёрстной голове, что шепчут непрерывные советы? Голоса то приятны, то отвратительны! И, если бы всегда советовали верно, то не стоял бы, молча, на краю! И край ли это или, всего лишь, обрыв, с которого нет смелости упасть?

Он захватил весь континент, но не был горд собою. Вчера он сжёг все свои корабли, доказав, что его избежала гордыня. Сжёг, чтобы не дарить слепой надежды и другим краям его мира...

Сейчас смотрел с утёса на маленький кусочек своей империи и видел её всю, ведь горизонт ничего не скрывал от него. Империя безмерно велика, хоть не хотелось мир весь на колени и гордо свою голову поднять! Другого он желал, пока искал несокрушимое могущество, но золотые годы пролете-

ли, и оглянулся – старая душа, хоть и мир, весь уже покорённый, благосклонен к тому, что ему на коленях стоять...

Потеряв своё Всё, душой своей состарился до неузнаваемости, хоть не было ему и тридцати пяти.

Сейчас он далеко от своего, родного дома – замка, в котором вырос, и ему ничуть не жаль. Крыша и стены – не самое важное. «Завтра я вернусь домой и снова буду в этом убеждён...».

Получив то, что искал, его жизнь не изменилась. Всё те же поиски, но уже другого, более ценного, чем могущество, хоть всё внутри зудит о том, что нет ни единого шанса найти...

Сегодня пятница тринадцатого – тот самый день, в который стоит посадить семечку и пожертвовать чем-то, что должно быть равным его мечте. Только вот, чем? Чем же таким особенным можно пожертвовать, чтобы семя дало росток?

–Любовью?

–Нет, её отняли!

–Верой?

–Полностью иссякла и засыхает, как рыба-бедолага на берегу, которая не понимает, что, чтобы вернуться в море, прыгать нужно в одну сторону, а не в разные!

–Надеждой?

–Ну-ну, не велика такая жертва с его то надеждой.

–Может быть, принести в жертву человеческие жизни?

–Нет, он убивал и целые народы, и сотни невинных лю-

дей, вряд ли, сочтутся жертвой, которую так сложно оторвать от сердца, которой можно задеть душу императора. Это всё воздушность для того, кто рисует историю, а воздух таким людям ни к чему...

На дворе шестнадцатый век, а люди – дикари и дикарей всё кличут дикарями, и голоса всё шепчут: «Не сейчас!», и всем они шепчут одно и то же!

А когда? Ну подождёт он век, хоть это невозможно, и что? Разве, что-то изменится?

Искал пол жизни могущество, а ему принесли его на блюдечке, и смысл жизни потускнел! "Как-то странно всё это, и, главное, для чего?" – спрашивал он себя, но нет ответа собственным вопросам...

От бесконечных раздумий, что длятся уже месяц, императора отвлек его родной и единственный брат, чьё имя лишь из суеверных побуждений звучало Дювор.

–Что ты здесь забыл? – спросил он, подойдя к краю утёса, бесстрашно заглянув в пугающую пропасть. – Не, уж то, хочешь ты упасть в обрыв, поверить в свои крылья?

Криво улыбнулся, сорвав с губ второй вопрос, и без заботы посмотрел на брата, хоть тот почти что мёртв от тяжести отчаяния. Ни разу не поддержал его за этот месяц адских мук и несокрушимого безумства, ни слова ему не посоветовал, а сейчас сам к нему пришёл или приполз – да кто его знает этого Дювора.

«Быть может, кто-то меня сюда и привёл, но я ему пока

что благодарен...» – думал император, глядя на своего старшего брата.

–Думается мне легче, смотря на весь мир свысока, – пошутил он в ответ, но на улыбку не хватило силы.

–Сегодня пятница тринадцатое! – величественно воскликнул его брат, и они, наконец, столкнулись тяжёлыми взглядами. – Как он и сказал, тебе нужен именно этот день! Ты это помнишь?

В глазах его не разыскать тревоги, ведь он, всего лишь, предвкушён. Даже сопереживания не было в его взгляде. Они оба в эту секунду глядели друг на друга, как два волка. Осталось подождать, кто из них первым завоюет...

–Разве, такое возможно забыть?! – громко промолвил император.

"Конечно, нет!« – ответил Дювор лишь себе. – «Я заснуть часами не могу, и все ночи для меня это мучения...».

–Как думаешь, тот старик был дьяволом? – сорвал он с уст вопрос, что мучил его тридцать дней и тридцать одну ночь.

–Сомневаюсь! – ответил император, не поверив в эту честь.

–И, что ты намерен делать? – поспешил перейти к делу Дювор.

Этот вопрос для императора был сложнее любых других вопросов, потому отвечать на него ему не хотелось. Тем более, своему брату. Тем более, сейчас. «Пришёл ещё в момент ненужный! Не вовремя, как и всегда!» ...

–Знаешь, я недавно гулял по улицам города, что у нас за спиной. Гулял без слуг и без охраны, накинув капюшон, чтоб не узнал народ. Чем дальше я шёл, тем больше понимал, что люди меня не любят и, даже ненавидят за то, что я стал похож на дитя войны. Никому из них она не нужна, как и мне, но она сама к моей душе так и тянется.

Он сделал паузу, вздохнул легко и с тяжестью продолжил:

–На одной из улиц я увидел нищего калеку. Он был без ног и без руки, просил милостыню сохранённой ладонью. Подойдя к нему ближе, я узнал в нём своего лучшего воина. Я думал, что он пал семь лет назад на поле боя, а оказалось не совсем...

Вновь доверился паузе, а затем воскликнул со всей горечью:

–Он был лучшим, Дювор! И это моя благодарность ему? Почему мы забываем о тех, кто нам был верен всю жизнь? Мне, даже было стыдно бросить ему монет, потому что он заслужил большего! Мой разум посетила мысль, и я поднёс к его губам семя, которое мы искали с тобою всю жизнь...

–И что произошло? – без интереса спросил Дювор и добавил с сарказмом. – Он снова лучший воин?

–Нет.

–А что? Что может дать калеке семя?

–Он обрёл свой смысл, был озарён тем, на что теперь способен! Узнал, для чего жил и для чего жив остался!

–Ну, если это всё, то это не чудо! – махнул рукой Дювор.

– У семени две стороны. Если его предать земле, ты получишь могущество; если не предать, то оно принесёт благо всему миру! Представь, какой мир можно построить, если все обретут свой смысл, раскроют свою суть, и попробуй вообразить, каким он будет, если приобрету могущество лишь я!

– Ты хочешь отдать его мне? – со странной улыбкой спросил его Дювор и добавил с ехидством. – Уж, не струсил ли ты, брат? Уж, не осознал ли ты, что слишком огромная и непосильная твоя мечта?

– Нет. – ответил тот искренне. – Всё далеко не так!

– Мы истребляли народы, захватили весь континент, чтобы найти семя, и для чего? Чтобы помогать калекам?

Дювор был явно раздражён, и ему не нравилось, в какое русло метит его брат. И, видимо, пора глушить это течение, иначе и его к обрыву приведёт.

– Ладно, забудь! – разочарованно ответил император, но, побоявшись показаться слабым, продолжил речь с азартом в голосе. – Я чувствую её мощь, её великую силу, но никак не пойму, на что она способна! Способна ли она на то, о чём мечтаю я? Ведь мечта моя с каждым днём становится больше...

– Думаю, ты всё узнаешь, когда предашь семя земле! – воскликнул Дювор так, будто поднёс бокал императору и собирался выпить за его здоровье.

– И даже здесь надо предать! – противился правитель сво-

ей величайшей судьбе.

–А что поделать! Это жизнь! Она смотрит на нас, и нам остаётся лишь продемонстрировать ей, на что мы, безумцы, способны...

–Я знаю, что ты прав. – тягостно вздохнул император. – Но, пойми меня, не просто мне принять такое решение.

–О том чуде, что случилось месяц назад уже знает весь мир! И, даже те, кто шёл за тобой во имя чуда, становятся тебе врагами. Как считаешь, почему?

–Потому что они испугались, когда узрели, что мечта моя реальна! – без всплеска чувств промолвил и также продолжал. – Все трусы станут мне врагами, все смельчаки пойдут со мною в бой! И, кто знает, быть может, на том свете я буду лично жарить своих врагов на костре! Ты и сам знаешь, что за сила сидит во мне!

–Не чисты твои мысли, мой брат, не чисты. – покачал головою Дювор, а у самого мурашки бежали от слов императора, и всем духом боялся его.

–Посмотри на неё, как она светится! – решил сбить с толку его страх и разочарование.

Протянул брату руку, а на ней лежит семя, в поисках которой они обошли весь мир и, между делом, его захватили. Свет был настолько ярким, что, если бы не солнце, он бы ослепил ночные небосводы, и звёзды не имели наглости глядеть!

–Позволь мне, ощутить его тепло? – промолвил Дювор,

словно очарованный.

Глаза его светились, но не от света семечки, а от того, что он был ею заколдован. Она внушала ему то, что он четырнадцать лет пытался позабыть, она шептала ему, чтобы воплотил задуманное, но он и сам знает, что ему делать. Без помощи умеет ставить мат. Как ни как, лучший воин на всём белом свете, поэтому, наверное, стал полководцем, а не императором. Или не поэтому?!

Пусть семя – свет, но в злых руках любое благо станет темнотою.

–Ты уверен? – спросил император без страха, с заботой.

–Уверен. – ответил Дювор, не отводя от семени своих зелёных глаз.

Император не поверил, но доверился случаю и поместил в его ладонь всё могущество мира так аккуратно, словно боялся хоть чем-то обидеть его. Отвести взгляд от семечки не смог – слишком дорога, не смотря на наличие ненависти к ней; слишком много обещала, несмотря на то, что всё отняла.

Когда Дювор сжал семя в руке со всей силы, что была в нём, императора схватила паника, и сердцу угрожал инфаркт. Чуть в обморок не пал, вниз лёгкой головою, увидев такое невежественное отношение к могуществу. «Раз сильнее всех на свете, зачем ломать всё на свете, брат мой, вечно ослеплённый?!».

–Ты что творишь? – вспыхнул он, а рука так и рвалась

отвесить подзатыльник силачу. – Аккуратнее!

– Думаешь, такую мощь можно убить ладонью? – безразлично засмеялся тот в ответ.

А в глазах его плясали демоны и пели песни, и кружили жаркий хоровод, дьявол покупал себе невесту, чтоб богатым встретить Новый год!

И император видел этот танец, но брату снова не сказал, не стал огорчать его тем, кто он есть. Правду Дювор не любил, как и ложь, потому с ним сложно разговаривать, ничего с ним и не разделить. Но сегодня сделал исключение.

– Вчера в полночь я проснулся от ужасного сна. – вспомнил он то, чем, действительно, искренне желал с кем-то поделиться. – Я был сам не свой! Было ощущение, что я уже давно не я, что мне так много лет, сколько не живёт весь наш род!

– И что же было дальше? – улыбнулся ему брат, не отнеся к его словам серьёзно.

Было заметно, что он желал скорее дослушать "очередную нелепость», словно торопился куда-то, но император не стал предавать значения этому. Зачем? Дювора не изменить, проще вору дать взятку, чтоб не воровал.

– Я исписал бумагу, что лежала на столе. Вдоль и поперёк её разрисовал, но всего этого не помню, и записанное мною оказалось далёким от моего понимания.

Глаза императора горели, он был поглощён тем событием, и очень желал поделиться им с самым близким человеком,

хоть и далёким почти во всём. Да, так бывает и бывает почти что у всех.

–И что же ты написал? – спросил Дювор.

–В том то и дело! Оно понятно мне на половину – язык то наш, но слова...

–Что слова?

–Они, словно из далёкого будущего. – выдохнул император, и, теперь, его глаза сияли ярче, чем все желания Дювора.

–Почему ты решил, что из будущего, а не из прошлого?

–Потому что прошлое не изменить, братишка, как бы мы с тобой не постарались и не состарились!

Император тяжело загрустил, подошёл ближе к обрыву, заглянул в глаза своей великой империи, пытаясь разобраться, что в ней такого особенного и продолжил свои переживания:

–На листочке было написано: "Пустыня всей Вселенной не твоя заслуга и дело не твоё!».

–Действительно, странные слова, – задумался Дювор. – Пустыни вокруг нет, кругом лишь красота, сады прекрасные. Всё вокруг так похоже на Рай. Разве, нет?

–Нет! – уверенно ответил император, ведь знал о Рае больше, чем его брат.

–Думаешь, записка связана с тем, что случится в пятницу двадцатого?

–Я не знаю. – солгал император.

В глубине души он понимал, что с семечкой не расстанет-

ся, что бы не случилось в пятницу двадцатого. Даже, если всё, что он знает, превратится в пустыню, от семечки он уже не откажется!

Дювор почуял ложь в ответе брата, но это уже давно его не задевает. Сам был ею соткан и сейчас был больше занят собственной ложью.

– Знаешь, брат. – бесхитростно улыбнулся он и добавил с лукавством. – Твои слова избавили меня от всех былых сомнений!

– От каких?

– Жертва! – воскликнул тот громко и тихо-тихо продолжил шепотом. – Я долго сомневался, какая жертва нам с тобой необходима, чтобы семя дало росток, чтобы оно осыпало на наши головы всё могущество мира! Отныне, сомнениям конец!

– И какая же твоя жертва? – со сжигающим любопытством спросил заинтригованный император. – Какой должна быть она?

Дювор подошёл ближе на два шага, еле-еле улыбнулся брату-императору и в пол силы ударил кулаком в его могучую грудь. И пол силы хватило, чтобы тело императора не удержалось на ногах и полетело вниз с обрыва.

А душа, его благородная душа запуталась в белых облаках, промокла в лютых грозах и оказалась в бездонной темноте, наедине с тем, что в жизни не успел он сделать, и перед чем посмел он устоять.

Стойким был, и поэтому умер! Сильным был, потому и убит! А теперь про него поют струны, пока в русской земле тихо спит...

Часть

1 Ж

ертвенность далека от благодеяния...

Глава 1

Как в Раю...

Примета – это то, что примечательно, что отзывчиво и на наши чувства, и на наши эмоции. И на страхи, и на радости, и на желания. И это не может не удивлять.

Приметы появились за долго до человека, когда человек ещё не был человеком. А, если человек не был человеком, то и Земля не была Землёй!

Приметы проникли в жизни и стали править ими. Правила так, как им самим было нужно, как им было удобно. Правила так, чтобы было легче продлить свою вечность. В одних приметах зачато добро, но время меняло их до неузнаваемости, что мурашки бежали по коже от их «доброты». В других было зачато зло, но свет всё время бил в лицо, и они сияли со временем, бесконечно лечащим. Большинство же примет оставались неизменны – что в них было зачато, то и оставалось навеки!

Человек долго-долго глядел на белое пятнышко среди чёрного неба и кричал всем вокруг, кто находился рядом: «Это знак, это свет среди тьмы, и он принесёт мне что-то ве-

ликое, раз именно я заметил его, а не кто-то из вас!».

Люди ухмылялись в ответ, а он от этих мыслей вкусно засыпал, сладко просыпался среди ночи, жадно оглядываясь по сторонам, и снова исчезал в самых прекрасных снах с яркой улыбкой на лице. Он вставал рано утром с чудесным настроением, спешил к своему любимому занятию, проглотив кусочек пищи на бегу, и продолжал своё дело с новой силой, с новым желанием, которые ещё вчера были неведомы ему.

В такие моменты он считал себя самым счастливым в его не таком уж и большом мире! Всего-то, белое пятнышко среди ночного неба, а жизнь изменилась на глазах, уже на следующий день.

Расшифровал знамение так, как сам того желал, и все его представления были зависимы от его мечтаний. В наше время, все скажут, что это, всего лишь, самовнушение, но в те далёкие времена такое слово на устах не расцветало, и, быть может, без него людям было и лучше.

Когда внушаешь сам, всё это невозможно не заметить. Когда внушает сила, неведомая нам, мы этого не замечаем – от того и приятнее это, хоть и не всегда.

В начале времён человеческие мечтания были не такими уж и глобальными, потому и приметы были подобны им. Рыбак видел в знаках улов, охотник зрел добычу, что сама стремится в его обветренные руки, земледелец чуял урожай, что оставит его сытым на года. Но и тогда рождались покорители и правители. Те знаки, что приходили им, они охаракте-

ризовали, исходя из своей сути, а суть у всех была разной – у кого-то править и покорять, у кого-то вершить судьбы людей, отключая временами совесть, чтобы не быть съеденными ею, у кого-то нести ответственность за всех людей, что смотрят на него, как на Бога!

Со временем, в приметы вмешались даты, числа и дни недели, а, значит, и человек стал более зависимым. Он уже знал, в какой день осени ему лучше всего жениться, в какой день весны было бы прекрасно, если появится на свет дитя, которое безусловно станет счастливым. Он ждал этого дня и молился всем своим Богам, чтобы дитя появилось именно в этот день, а, когда это не случилось, он разочаровывался, и самый счастливый день приносил ему грусть и тоску. Но так было не у всех – и в те далёкие времена все люди были разными, в каждом присутствовала своя сложность, своя особенная дурость.

Те, кто были выше суеверий, сильнее зависимости от них, не пользовались спросом. Их глаза получали косые взгляды, их спины познавали грубые слова, даже, несмотря на то, что с каждым поколением таких людей становилось лишь больше. С непрерывным тиканьем часов человек уже начинал верить в что-то огромное, всеобъемлющее и всемогущее! Приметы всё чаще оставались на заднем плане, но всё же не умирали, а впереди человек видел и ждал то, что называл тёплым словом: «Чудо». Да, именно чудо! Человек верил в него, порою, всю свою жизнь, а, иногда, до поры, до време-

ни, ведь любую веру можно убить или внушить словом, что она умерла.

Всё менялось, абсолютно всё! Так быстро, что глаза не успевали за изменениями и путались в происходящем. Поэтому при столкновении двух разных поколений, чаще всего, они совершенно не понимали друг друга! Более молодое поколение было уверено, что их понимание мира и жизни безусловно шире, потому что оно идёт в ногу со временем. То поколение, что старше, было примерно того же мнения и о себе на счёт понимания и видения мира, но, только, опиралось не на ход времени, а на свою мудрость.

Разногласия и столкновения интересов результатов дать не могут. Если же, два поколения преследовали одни цели, то многие разногласия сглаживались, ведь общие цели объединяли и сплачивали их.

Но мирное сосуществование продолжалось до тех пор, пока кому-то из двух поколений не прокрадывалось в душу желание вершить всё самому, и, тогда, в их жизнь нагло вмешивались пороки! Чаще, так поступали старшие поколения, молодые же редко, но очень болезненно и метко.

"Потому что надо, либо вместе, либо никак!" – советовали им мудрецы, но мало, кто слушает сидящих на печи, пусть и понимающих всё на свете...

Внешность земли менялась вместе с сотней поколений людей. Там, где царило зло, появились пустыни и пустота, и ветер был таким сухим и чёрствым, и бездушным, что про-

жигал собой и душу, и лицо! Где правило добро – цветут сады и дышится красиво, и свежесть воздуха здесь, даже не при чём. Душе легко – и в этом чистота! Свобода в твоём сердце, даже, если оно кем-то покорено.

Может быть, когда-то и наступит итог нашей планеты, и останется лишь одна большая пустыня и один огромный океан, но, кто знает, каким родится завтра человек! Быть может, он так сильно пожелает видеть, как сады кругом желтеют, как красиво кружится листва, и, как она по новой ароматно расцветает, что сделает всё, на что только способен, лишь бы мир не стал пустым, лишь бы самому не стать пустотой...

Город Рауд был единственным из всех городов мира, который, вопреки пустыне, был украшен пышными садами. Вкуснейшие плоды пытались сломать ветви деревьев своим изобилием. Ярчайшие цветы ослепляли глаза, пытались сделать их счастливее.

По салатovým травам бегали босоногие дети и разодетые родители. Обычно, что для детишек Рай, то для взрослых – мелочи и ничтожность, но в этом месте была иная философия. Каждый живёт в своём мире, каждый себе выбирает свой Рай.

Как выглядит Рай зависит от всех людей, которые его населяют. Один человек умирает, и город меняется на глазах – исчезает всё, что этот человек счёл Раем. Вместо ушедшего приходит или рождается другой, и снова город склоняется к переменам. Не может он слишком долго выглядеть одинако-

во. Что ни год, то перемены.

Таков город Рауд. Зелёный город, а вокруг него пустыня – контраст умеет показать себя. Да и название себя проявило. Люди считали, что ад пытается пролезть в него и занять своё место в Раю. Потому они боялись буквы «А» и называли город «Руд», но два человека не были согласны с их страхом, были уверены, что другая буква здесь лишняя и называли город «Рау» ...

Здесь нет квартир, у каждого свой дом. Дома все яркие, доверены рукам художников – притягивали к своим образам самые искренние улыбки! Дороги уютные, ровные, можно сказать, идеальные. На одних тротуарах нарисованы голубые облака, на других грозные тучи, но это не было поводом судить о том, кто есть кто! Хотя, у каждого повод найдётся.

В городе Рауд лишь с теплом светило солнце, здесь не было зимы, а тёплые дожди заставляли поднимать руки к небу и просить о чём-то большем. И, что удивительно, желания здесь имели свойство сбываться. Потому, наверное, и Раем назвали это место когда-то очень давно, потому, возможно, здесь большинство не работало, но чем-то занималось. У людей никогда не отнять желаний заниматься искусством, земледелием, охотой, рыбалкой или желанием наживаться. Потому в Раю очень большой рынок, и на нём, в основном, сбывшиеся желания детей.

Город выборочно исполнял желания, но чаще исполнял желания именно детей. За всех детишек город был горой, без

него им бы не хватало сладостей. Чаще дети желали, чтоб весь их двор был засыпан всеми видами шоколадок, батончиков и конфет, что подороже, потому что подешевле это не Райское наслаждение. А иногда на гору шоколадок можно было наткнуться где-нибудь в лесу и подумать про себя: «Какой добрый ребёнок!» ...

Казалось, время не царствовало над этим местом, а экология была защищена невидимой плёнкой, через которую не проникает вся пыль и грязь их родненькой планеты. Но всё не так, ведь не спроста здесь люди погибают от нелепостей...

Дорога к Рауду была похожа на радугу – её называли цветочной дугой. По ней в город пребывали все те, кто был приглашён кем-то из жителей, но это случалось нечасто. Не желал этот город, однажды, стать тесным, потому дорога, не смотря на всю свою яркость, была спрятана от большинства глаз. А последние двенадцать лет в этот город вообще никто не приходил...

Дорога – это не всё. Были ещё и врата. Не из золота они, не из платины, а из чистейшего серебра. Врата похожи на арку, и не в узорах их суть. Ширина – десять шагов, высота – шестьдесят. Вот, что главным было для жителей Рая, ведь ждали здесь кого-то, кто будет соответствовать такой величине. Кто-то высотой в шестьдесят шагов, однажды, посетит этот город, но впустят ли его?!

Город сам выбирал, кого впустить в свою обитель, и люди до сих пор теряются в догадках, каким способом он выбира-

ет, ведь здесь живут, как и плохие, так и хорошие, как и в любом местечке Земли. Здесь был и правитель, были стражи порядка и те, кто порядок нарушает. Здесь можно было встретить и убийцу, и праведника, и, даже двух этих личностей в одном человеке. Но, в основном, здесь были самые обычные люди, которых пригласил Райский город для украшения своей простоты. Только вот, люди непослушные, не желают оставаться обычными...

Никто из прибывших ещё не покидал этого места, никто из них не сообщал другим о его местонахождении. Какая-то сила, неизвестная человеку, не позволяла этого сделать. Даже, если кто-то безмерно желал пригласить в город Рауд своего близкого, ничего не выходило. Получалось приглашать лишь незнакомцев, что могли подарить лишь любовь, а родных по крови или людей из прошлой жизни ни у кого пригласить не получилось. А, может, не так уж сильно и желали этого, раз способ не нашли.

Далеко не каждый получал, так называемую, райскую жизнь, но, даже миллиметра мысли не возникнет, чтобы покинуть город Рауд. Никто здесь не оставит своё гнёздышко, ведь в этом месте он больше, чем счастлив...

Здесь процветали любовь и верность, что дарила целостность любви, и этого хватало многим сполна, чтобы не желать покинуть маленький Рай. Однако, каждый человек в этом городе ждал самого настоящего, вдохновляющего и несравненного чуда! Каждый ждал то, что невозможно пред-

ставить, о чём нет шанса помечтать. Всё так в их головах, потому что настолько избранными себя считали люди...

Райский город рос не в высоту, как подобало нынешнему веку, а в ширину, потому с каждым днём приближался к пустыне, что кипела и плавилась за его спиной! Кто-то считал, что и сама пустыня подкрадывается, как голодный, хищный зверь и скоро неизбежно будет рядом – дышать не в спину Рая, а в его нутро! Но, несмотря на это, на улицах всегда кипела жизнь, и всем хватало воздуха, который дурманил и освежал, как и подобает Раю.

Пустыня правила большей частью Земли, и это было известно каждому, даже самому маленькому представителю города Рауд. Райский город и пустыня появились примерно в одно и то же время. Только, город приносил людям дары, а пустыня захватывала Землю и отнимала у неё кусочек за кусочком – постепенно, не торопясь, словно растягивая своё личное удовольствие и безмерный аппетит.

Когда глядишь на неё, стоя посреди Рая, она не пугает своим видом, но расстраивает, если долго в неё вглядываться, а, порою, даже вызывает долгожданные слёзы. «Мёртвая земля», – говорили люди, показывая на неё пальцем, и в чём-то, ведь, правы. Когда эти два слова проникали в фантазию, каждый ярко представлял, как город Рауд падёт, а пустота восторжествует, и огонь, и пески здесь сожгут каждый лепесток! В такие моменты и приходил в их души жуткий страх, но не перед пустыней, а перед их городом. Люди боялись его

кары и того, что город может сделать с ними, если они позволят пустыне окунуться в него и попробовать на вкус, так называемое, райское наслаждение. Странно и глупо бояться то, что сам называешь Раем, но, к сожалению, это имело место быть...

Городу сто лет, он был создан в пятницу тринадцатого, и не было определённой даты, в которую была зачата его жизнь. Была лишь пятница тринадцатого – в этот день и следовало отмечать рождение города, пусть, даже и три раза в году, если так решал календарь.

Был ли он создан человеком или для человека? – это загадка, но людям нравилось жить в какой-то особенной, сказочной таинственности и быть её частью, и присутствовать там, где творится история, где пока ещё цветут и пахнут остатки былого мира.

Конечно, были несколько персонажей, что являлись потомками первых поселенцев. Они, уж точно, должны были знать, как и кем был создан этот город, но они на отрез заявляли, что их предки ни слова не говорили об этом, потому что сами не были наделены знаниями.

В эти слова мало, кто верил.

–Почему?

–Потому что нравилось так людям...

В Раю жил очень древний старик по имени Люмар, которому на сей день было сто одиннадцать лет, и люди говорят, что он ребёнком застал создание Райского города, но не до-

казать тех слов, на которые не обращают внимания. Старик для всех был молчаливым или же умалишённым. Защищался этой маской от тупых вопросов, на которые не стоит отвечать.

Он почти никогда не выходил из дома, хотя все люди этого города всё своё время проводили на улице, на свежем воздухе. Читал старинные газеты, смаковал слова. Искал среди слов свой собственный кусочек правды. Иногда находил, но чаще всё противоречило тому, что уже создал за век в своей голове.

Многое произошло в его жизни, не мало горя испытал и не видно окраин его затхлой тоски. Потерял он и детей, и внуков, и всё своё прошлое, и всё своё будущее. Пропиталась слезами кровать.

Осталась лишь правнучка, с которой и разделил свои знания, дабы уберечь, хотя бы её. Ибо знания его бесценны. Они всему виной, слишком многих уже погубили.

Не старость заставила его сидеть в четырёх стенах, лишив свой домик и зеркал, и стёкол. Не время покалечило его походку и убедило постоянно оглядываться. Не стрелки часов виноваты в тяжести каждого дня.

Страх! Всеми виною страх. Лишь он заставляет человека стареть.

Знал он врага своего в лицо, встречался с ним уже неоднократно. Успел запомнить, чем пахнет его зловоние, и не забудет, как горит его озлобленный взгляд. Неприятно ему

вспоминать эти встречи, но придётся ни раз.

Враг желал погубить его Рай, заразить песками и пустыней. Ни раз пытался убить, но не убил. Много раз ловил его за шиворот, но старик ускользал из прогневших рук и бежал по Раю без оглядки.

Врагом ему был демон, а с демонами лучше не шутить – любая шутка будет неуместной! Однако, старик был тем ещё юмористом. Любил играть с огнём до той поры, пока не загнан был в тупик коварным демоном.

Догадывался старец, чем тому не угодил, но старался об этом не думать, уводя себя всё дальше от истины. Вместо этого, пытался выяснить, на что способны демоны, но в книгах не узрел ни одного правдивого слова о них. Да и сам приставший демон молчал, не пытался сказать, почему счёл старика своим врагом, почему ни на секунду не пожелал с ним подружиться.

Заблуждение! Кем-то из них правило заблуждение. Кто-то из них непозволительно не прав!

Но об этом позже. Сначала о начале...

Двенадцать лет назад старику исполнилось девяносто девять лет, и в свой день рождения он стоял у Райских врат, не понимая, как здесь оказался. Закрыв двери на все замки вчера поздним вечером и заснул в своей кровати поздней ночью, а ранним утром, обутом и одетым, очнулся на ногах пред Райскими вратами. И первой мыслью было то, что его кто-то пытается прогнать из Рая и не желает, чтоб в Раю этом

жил.

Он был не из смельчаков, потому ему, конечно, стало страшно. Подумал на секунду, что это сон, но быстро в этом был разубеждён. Во сне ещё можно допустить мысль, что во-круг тебя явь, но явь никогда не перепутает себя со сном. Затем устаревший рассудок допустил мысль, что это демон нашёл способ выманить его из дома, но и в страхе своём на сей раз пришлось разувериться, ведь по райской тропе к нему шёл человек, а не демон, и это девочка, и ей всего двенадцать лет.

Райский город позволил ей найти его, хотя раньше дети Рай не находили. Лишь повзрослевшим умам была позволе-на данная честь. Но всё так склонно к переменам, хоть каж-дый перед ними трус.

Укутана была в лохмотья, что пропитаны песками и пу-стыней, а на ноги обуть ей было нечего, и старик непонима-юще смотрел на её босые ноги и думал: «Как же она прошла всю пустыню босой?», но об этом спросит не скоро, через много лет.

Стоило ей пересечь Райские врата, как она остановилась. Встрепенулась, оглянулась назад и хотела сбежать, но что-то ей помешало. Колотила кулачками в пустоту, но уже поздно – из Райского города ей никогда не выбраться! Никто на это не способен, хоть самый сильный человек ты на Земле.

– Чего ты боишься, дитя? – спросил ошеломлённый ста-рик. – Почему ты желаешь сбежать?

Девочка оглянулась и подозрительно посмотрела на старца. Не доверяла она тому, не смотря на мягкость его тембра, и не желала отвечать на два одинаковых вопроса.

–Где это я? – спросила она его вместо ответа, без восхищения глядя на красоту, что окружила её со всех сторон.

Люмар успел прийти в себя, но, всё же, взял непродолжительную паузу, чтобы ответить тем же, как ему казалось, приятным голосом:

–Это Райский город!

Пока девочка во все глаза глядела на красивые дома и сады с огненными фруктами на ветвях, старик успел восхищаться, что город Рауд пригласил такую маленькую девочку. Обычно, его находили те, которым по силам дорога и те, кому суждено стать любовью для какого-то жителя.

Перевела взгляд на Люмара, и в нём нарисовано недоверие. Глаза дитя смеялись, когда не верили ему.

–То есть, ты хочешь сказать, что я шла, шла себе, усталости не зная, и не заметила, как умерла? – спросила она и широко улыбнулась старику.

–Нет. – рассмеялся он. – Ты жива!

–Почему же тогда это Рай?

–Разве, люди не заслужили жить в Раю? Не за чем ждать смерти! Рай можно построить на Земле!

–А что такое Рай? – воскликнула та громко. – Это место, где всегда хорошо?

–Нет, дитя, – искренне ответил старик, наслаждаясь на-

ивностью. – Когда всё хорошо, человеку становится скучно. Раю необходимы заботы и хлопоты, невзгоды и переживания. "Что такое Рай?" – это очень сложный вопрос. Когда я слышу его, столько мыслей и фантазий рождается в моей голове, что всё путается и, даже чуточку не могу понять, что же это такое – Рай...

–Мои Мама и Папа в Раю, только, не в этом, а в настоящем! – с грустью промолвила девочка и спрятала глаза.

Услышав это от неё, старику стало не по себе. Нахлынули воспоминания, которым вечность, которые старается забыть. Старик лишний раз убедился, что в устах ребёнка звучит истина. Он протянул девочке руку и прошептал:

–Пойдём, дитя. Я покажу тебе твой новый дом.

–А что это за дом? – спросила она, не взяв его за руку.

–Это приют для детей, которые остались без родителей. – ответил тот, но, увидев испуг на её лице, тут же добавил. – Ты, ведь, сбежала из приюта?

–Да.

Пауза. Понял, что необычная и непростая, потому прошептал ей с теплом:

–Не бойся! В нашем городе живёт любовь, в нашем городе поселилось счастье. Здесь не только в приютах, здесь нигде нет зла! Всё другое в этом городе...

Девочка взяла его руку, хоть и не поверила ему, и почувствовала тепло, какого не испытывала раньше. Даже допустила мысль, что в этом старике живёт добро.

Он привёл её к приюту, что больше походил на маленький дворец, и отворил для неё его двери. Внутри было тепло и уютно, красиво и, главное, чисто. На детском лице расцвела улыбка, и довольный собою старик уже собирался уйти, оставив дитя на попечение. Думал, что на этом всё, но ошибся.

–Когда появился этот красивый город? – неожиданно спросила его девочка при всех, кто её принял, и четыре пары глаз уставились на старика.

–Восемьдесят восемь лет назад. – ответил он, растерявшись, не подумав о том, что в двенадцать лет дети лучше знают историю мира, чем взрослые.

–Надо же! – прошептала девочка, посчитав что-то в уме. – И пустыня стала живой в то же самое время...

Старик внимательно посмотрел в её глаза и не смог скрыть от них своего ужаса. Правда колет глаза, кто бы, что не сказал о правде.

–Как звучал тот голос, что пригласил тебя в наш Рай? – спросил он неуверенно.

–Меня пригласил не человек! – воскликнула девчонка и расплылась в улыбке. – Меня пригласил сам город, и голос его неопишуем для моих уст.

Не смог понять старик, кто перед ним стоит. Не смог он представить, что принесёт его Райскому городу пришедшее дитя. Повернулся он спиной к этой девочке и ушёл, пообещав себе не думать о ней ничего плохого...

–И это всё?

–Нет!

Спустя год, на свой столетний юбилей старик пожелал сделать свой день исключительным. Всё-таки, вечность за спиной.

Решил наплевать он на все страхи и на всех демонов, что, как он сам считал, поджидают его за каждым углом. Вышел из дома и с лёгкой душой прогулялся по городу, посетил его окрестности, вкусил все виды фруктов, что встретил на пути, и к вечеру добрался до Райских врат.

Присел на одну из золотистых лавочек и долго смотрел вдаль, прокручивая в воспоминаниях свою вечность, поражения и победы, ошибки и правоту. Правота всегда спотыкалась об ошибки, но поднималась, чтобы быть твёрже и настойчивей – так в его тёмной голове рождались оправдания всем допущенным ошибкам.

Просидел до заката в обнимку со своими мыслями, но исключительность никак не приходила. Старик настолько погрузился в свой поток, что не заметил, как к нему подошла маленькая девочка одиннадцати лет и присела рядом с ним. Помолчала чуть-чуть, а затем спросила его без капли почтения:

–Куда глядишь, старик?

Тот вздрогнул, подумав, что к нему обратился демон, но, немедля, повернулся к девочке лицом, и их взгляды встретились. «Не демон!», – с лёгкостью выдохнули его мысли и не ошиблись.

Её холодные черты лица совершенно ему незнакомы, а, значит, это уже второй ребёнок, который осилил дорогу в Райский город. И снова в его день рождения.

–Я смотрю на пустыню. – ответил он ей, наконец, не скрыв дрожи.

–И что видишь в ней?

–Ничего.

–Зачем тогда смотришь?

Вопрос загнал в тупик и нечего ответить, но девочке не нужен был ответ. Ей интересно другое.

–Веди меня в приют! – воскликнула она и снова поразила старика своей осведомлённостью, как будто бы уже была здесь.

–Тебя тоже пригласил сам город? – спросил он, покопавшись памятью в прошлогоднем дне рождении.

–Тоже? – удивилась та и чертами лица продемонстрировала свою заинтересованность.

–Год назад пришла девочка. – пояснил ей Люмар. – Чуть постарше тебя. Она сказала, что её пригласил город, а не какой-то человек. А тебя? Кто тебя позвал в этот город?

–Меня никто не звал сюда! – воскликнула та и смотрела на старика, как на умалишённого. – Как город может позвать? Вы что, вообще, несёте? Веди меня в приют! Я одна на этом свете...

Девчонка не во всём лукавила. Её в Рауд, действительно, никто не звал, но ей так часто снилась мама, и девочка зна-

ла, что она здесь. Но об этом говорить незнакомому старику глупо. «Кто знает, что это за место...». Мама бросила её, потому девочка желала сначала пожить в приюте и посмотреть со стороны, а потом уже решить, стоит ли говорить, что она её дочь или той это совсем не нужно.

Для старика она сказала, как отрезала, и Люмар не знал, как ему быть. На его глазах маленькая девочка решила разрушить устои, что он построил здесь в её же возрасте, а сейчас совсем нет сил противостоять ребёнку.

Он, как уставший каторжник, вёл её к приюту, и за весь их путь девочка ни разу не удивилась красоте города, не умиляли её ни яркость цветов, ни мастерство художников. Взгляд был безразличным, лишённым оттенков восхищения. Старик всю дорогу молчал и лишь у дверей приюта попытался что-то сделать.

–Ты, ведь, понимаешь, что это Райский город?

–Райский? – спросила она, и по лицу растянулась широкая улыбка, но нет в ней детского тепла и тени доброты.

Затем она захохотала и никак не могла остановиться. В этот момент, он во второй раз допустил мысль, что перед ним стоит демон. Знал бы он, насколько сложно стать демоном, не допускал бы подобных, абсурдных мыслей.

–Ты, явно, был максималистом, когда внушил себе, что это Рай!

–С чего ты решила, что это я дал название?

Она помолчала чуть-чуть, измерила взглядом длинные,

седые локоны старика, крючковатый нос, пропавшие из виду брови, потускневшие от времени, когда-то голубые глаза, и ответила:

–Интуиция...

Сердце старика рвалось в груди, когда он уходил. Его столетний юбилей был омрачен неизвестностью. Никогда ещё ему не было так страшно за свой город. Нет для него ничего дороже Райского города, и в этом его слабость.

–Старик. – окликнула его девчонка, когда тот отдалился на тринадцать шагов.

–Что? – ответил он ей, остановившись.

–Такое ощущение, что твой город не желает жить! – решила добить его она.

–Почему? – выдохнул он, чуть не плача.

–Не знаю. – пожалала она плечами. – Может быть, потому что таким раньше был весь мир, а, теперь, лишь этот город?!

Веки старика дрожали, губы боялись произнести в ответ, даже слово, а душа, его старая душа больше не желала видеть эту девочку в Раю. Но это невозможно, нет такой дороги, что выведет её из места, где поселился Рай.

–Меня не приглашал твой Райский город! – наконец, добила она. – Уже год весь мир его ищет, и, видимо, я нашла его первой. Как думаешь, что будет с ним, когда его найдут миллионы незваных гостей?!

–С ним этого не будет. – ответил ей старик, но больше его ноги не приближались к дверям приюта.

Он внушил себе, что два демона пришли в его Райский город. Надели на себя лица детей и решили сыграть с ним в игру

Глава 2

Глаза и уши чувствуют...

Рай есть Рай, потому и приметы здесь только хорошие, вкусные и, главное, приносящие счастье. Это значит, что половина из них искажённые. Но, кому это важно, если искажение приносит счастье?! Вот и пятница тринадцатого – это не темнота для них, не страсть чрезмерная, а праздник, яркие танцы и величественный бал, когда все нарядны и невозможно красивы. Всё-таки, это день рождения их Родины, которую невозможно не любить, а уважать тем более!

На балу люди демонстрировали всё, на что способны. Некоторые жители, особенно, юные персонажи, месяцами ждали этот день, чтобы показать себя перед всем городом, продемонстрировать всё, что умеют и чему научились у старших поколений. Только вот, демонстрации проходили не всегда успешно, потому что здесь, как и везде, парили на высоте лишь лучшие из лучших.

Здесь каждый желал быть лучшим, потому многие и гибли – чаще всего, в пятницу тринадцатого. Кто-то нырнул в бассейн со стометровой высоты; кто-то ходил по углям, да по разбитому стеклу; кто-то, даже протыкал себя ножами и терпел, считая, что это очень круто. Потом все они не вставали...

Менее отчаянные пели песни; играли на музыкальных инструментах; читали стихи; делились картинками, скульптурами, новыми изобретениями.

Именно сегодня и был этот день демонстраций. Пятница тринадцатого – ровно сто лет с момента создания новой, совершенной для современного мира жизни. Но не все отправились на праздник – всем свет не внушить, всех добром не заправить.

Для кого-то желание показать себя не так уж и важно, и значимо. Для кого-то это не добро...

Серый домик стоит на отшибе, ему одиноко, но не скучно. В нём играет яркий свет, из-за которого были замечены три силуэта.

Чьи-то глаза решили ближе рассмотреть их, хоть и догадывались, кому они могли принадлежать, ведь весь сегодняшний день следили за ними после того, как подслушали маленькую, но значимую частичку их диалога.

Глаза бирюзовые, но цвет – не суть. Главное то, что сокрыто за этими глазами, раз именно с них начинается история сегодняшнего дня.

Его глазам так любопытно, что же эти трое там делают, что же они задумали, что за тайну скрывают за серыми стенами этого убогого домишки! Тем более, в то время, когда весь город уже отправился на самый долгожданный праздник. Его ждали дольше, чем остальные дни рождения, ведь именно сегодня Рай переступит через своё первое столетие и начнёт

второе.

Вечность не сильнее тысячелетия, но до четвёртого тысячелетия слишком долго ждать. Не всем дано родиться на границе тысячелетий.

Все люди ждали чего-то особенного сегодня, ведь город их – особенный! Потому многие отправились на праздник, как только солнце коснулось лучами их глаз, несмотря на то, что самый разгар праздника всегда наступал поздним вечером, с первыми нотами темноты...

Человек, которому принадлежали эти любопытные, волчьи, бирюзовые глаза, не задумывался над тем, для чего они ему даны – чтобы видеть для себя или видеть для других, делясь со всеми увиденным. Что из увиденного необходимо скрыть, а что предоставить миру на растерзание – также не доходило до его мыслей. Эти глаза ни разу так и не поняли, для чего они нужны такому, огромному миру, и не представляли они, какую жизнь подарят человеку, которому принадлежат. Но на мир смотрели чаще, чем на себя в отражении. Не потому что в городе когда-то запретили зеркала, а потому что не ценил он свою красоту. Ему было важно, что он боец, что не боится драться, а остальное точно будет по плечу.

Ноги беззвучны, как надоевший телефон. Они подкрадывались, как будто принадлежали вору, но вором их хозяин не был. Хруст ветки, и он слышал своё сердце, хоть вероятность того, что сквозь стены дома три силуэта услышат неуклюжесть его ног, была бесконечно мала. Мало, что может его

напугать, но быть замеченным сейчас боялся, ведь чувствовал, что велика цена...

Он частенько размышлял над тем, что, если бы не родился в Раю, то никогда бы этот город не позволил ему войти в него, не предоставил бы шанса разыскать его среди глухой пустыни. Ведь, чтобы стать первым среди бойцов, ему пришлось победить многих. Но был ли способен на более глобальные отчаяния и подвиги, он ещё не знал. Ему лишь двадцать три исполнилось вчера, вся жизнь впереди.

Его мать тоже родилась в этом городе, но она совершенно другая, что не удивительно – дети часто совсем не похожи на своих родителей, хоть и говорят многие: «Яблоко от яблони далеко не падает!». Есть дети, чьи родители чисты перед Богом, а есть те, которые донашивают грехи своих предков, если те ушли слишком рано. И есть ещё миллион причин, по которым яблоко может укатиться далеко, а может и вовсе остаться на дереве. Его мама – добрая, очень приятная, отзывчивая и тёплая женщина. Она подарила сыну всю свою любовь, частенько жалела его, слишком усердно оберегала от всего, что могло причинить ему боль и страдания. Всё сработало, он избежал их и стал лучшим из воинов. И горе, и страдания, и синяки, и ссадины ему уже не причинят особенной боли. Он стал таким, какой он есть сейчас, и, кто знает, какие страдания ему принесёт эта участь – быть таким.

Отец его ещё юным оборванцем нашёл этот город, в ко-

тором и встретил свою будущую жену. Когда отец был жив, он приходил к маленькому сыну перед сном и долго пересказывал ему одну и ту же интересную историю – о женском голосе, что позвал его вкусить всю прелесть Райской жизни; о своей смелости, что отзывчиво доверился незнакомым устам; о долгой дороге, длиною в неделю, что тянулась через пустыни и моря; о испытаниях, которые необходимо пройти, чтобы доказать Раю, что ты его достоин. И маленький Бернард верил ему, что всё было, действительно, так и ночами мечтал, как уходит из Райского города и, как отец, покоряет дорогу до него.

Райский город запустил его отца в свои просторы именно в пятницу тринадцатого, в свой день рождения. Люди, которые сами нашли Райский город пользовались большей популярностью, чем те, кто здесь родился, и были обречены всю жизнь ловить восхищённые взгляды. Те, кто прибыл в день рождения города, так и вовсе были нарасхват.

Сын сам просил отца рассказывать одну и ту же историю, хоть тот владел и другими, которые тоже сочинил. Эта история настолько врезалась в его память и сердце, что, стоило ей прийти в потемневшие мысли, так сразу же считал себя изгоем и недостойным этого города. Хотя, если глубже думать, его отец так нелепо ушёл из жизни, что несомненным остаётся, что вся эта значимость чисел – лишь человеческая выдумка. Из-за дат и чисел люди выдумывают себе, что они особенны, но ничего не делают, чтобы соответствовать это-

му слову. И в итоге уходят так нелепо – кто в чистоту, кто в темноту, кто в пустоту. Да не важно куда, главное, что уходят...

С этими безвкусными мыслями он встал на цыпочки перед окошком, чтобы видеть всё, что происходит внутри.

Крохотный домик состоял из одной большой комнаты, в которой юная ведьма проводила большую часть своей жизни. Здесь и кухня, и спальня, и гостиная. Из мебели стол, пара кресел, пара шкафов, три тумбочки. И это не нищета, а образ жизни.

Кто-то прошёл мимо окна, и ему пришлось пригнуться, и ощутить на губах привкус страха. Затем услышал престарелый скрип деревянного пола, и сам издал непонятный звук, чем-то похожий на внезапную икоту, и вновь испугался быть замеченным, но, тем не менее, ещё не стал таким.

Эта ситуация всё больше и больше нравилась ему, заводила своей рискованностью, ведь никогда не делал так. Кто-то скажет: «Это низко!», но Бернард лучше поверит своему, обманчивому сердцу, чем этим людям...

Красивые, женские руки, украшенные браслетами и кольцами, и длинными тёмно-синими ногтями, зажгли спичку, и красивые, зелёные глаза засияли под всплеском магии огня, а бархатные губы сложились в лёгкую улыбку, оголив бело-снежные, ровные зубы. «Да! Она, как всегда, загадочна и хороша!» – думали о ней глаза в эту секунду.

А в её очах желание, в них удовольствие от предвкушения

грядущего. Она чего-то ждёт, и это что-то скоро явится за ней.

Девушка сидела на полу, подогнув под себя прелестные ноги и подол длинного, чёрного платья чуть смялся под её лёгкостью, а тёмные волосы еле-еле касались деревянного пола.

Три свечи, что образовывали треугольник на полу, первыми вспыхнули от плавного движения её руки. Для четвёртой свечи, что поместилась внутри треугольника, потребовалась вторая спичка.

Образовалось огненное сооружение, чем-то напоминающее человеческий глаз. Казалось бы, всего-то, четыре свечи, а глядишь на них, и жуть страшная! С одной стороны от свечей во всей красе восстало зеркало, а с другой возвышался другой треугольник, состоящий из трёх прелестных дев, в котором жгучая брюнетка была наконецником.

Сейчас она ласково прикрыла свои большие глаза и что-то зашептала на незнакомом для ушей языке, еле шевеля своими сочными губами, и Бернарду показалось, что она на ходу придумывает слова. Она, явно, тянула время, а, значит, чего-то ждала, и свечи с зеркалом это не розыгрыш.

Две другие девушки не смели ни шептаться, ни дышать, будто боялись спугнуть что-то важное. Даже переглянуться друг с другом не решились – обе зачарованно глядели в спину брюнетки, которая, на первый взгляд, является их лидером.

Но глазам ещё не ясно, кто из них главная героиня, кто основная, а кто второстепенная...

Дружба объединяет далёких, чувства спасают близких — это про них, да и про каждого, наверное. Эти девушки далеки друг от друга, как полюса. Настолько они разные, что никто в том Раю не поймёт, почему они в такой миг вместе, сидят в этой комнате и зажгли в ней четыре свечи.

Единственное, что их объединяет, так это то, что ради близких они способны на всё. Чувства их были высокими, выше любого небоскрёба, величественнее Райских врат! Быть может, потому что молодые.

Только вот, для чего таким молодым и красивым заниматься тёмным искусством, зачем им такое мастерство? Неужели, ради близких? Этот вопрос не мучил глазастого воина, но задел больше, чем другие вопросы, что постепенно рождались в неглупой голове. Разум пытался подобрать девчонкам оправдание, но не одно из них не подходило под цвет их яркой жизни...

Глаза заметили страх на лице девушки, что была к ним ближе других, и немного смягчились над ней. Чувство страха для этих глаз было самым близким и, даже родственным, но человек, которому принадлежали эти глаза, не мог себе признаться, как и многие люди, что страх для него подобен страсти. Страх, как прелюдия, и после него, обычно, начинается самое интересное.

Имя девушки, которой было страшно, Кюна. Она была

одета в лёгкое, бирюзовое платье. У неё светлые, прямые волосы чуть ниже плеч. Плечи такие хрупкие, но на них так и хочется опереться. Её маленький, ровный носик подчёркивал её бесспорную женственность, а белые щёки владели нежностью. Её глаза были черны, но почти невинны и наивны. Быть может, поэтому их так окутал страх! Эти глаза себя могут почувствовать, как за стеной, если с ними будет рядом самый сильный.

Глаза лично не знакомы с этой девушкой, но на каждом своём бою видели её среди толпы. Они встречались взглядами, и он начинал. Её взгляд был ему талисманом. Он так считал и смотрел на это без романтики, но всегда хотел спросить у неё, считает ли она также. Однако, спросить ещё не удалось.

Она для него королева, недостижимая особа, правнучка Люмара – того самого старика, который застал создание Райского города, потому всегда пользовалась популярностью и жгучим интересом каждого, кто её знал. Была закрытым человеком и не отвечала ничего на нескончаемые вопросы о создании города, в прочем, как и её прадед. Она была сиротой, как и все в этой комнате, но жизнь её была послаще, чем у двух других девушек. Жила на другом конце Райского города, в своём огромном доме и ни в чём не нуждалась – прадед в этом постарался. Поэтому она, как многие, не работала, а занималась саморазвитием и частенько летала в облаках. Когда-то её прадед старался не только для неё, а для

всех своих близких, но ни к чему хорошему его помощь не приводила – люди теряют себя и свою жизнь, вечно надеясь на кого-то. Так и произошло со всеми его родными, и у него осталась лишь Кюна...

Вторая девушка, что в белых штанах и белой блузке, восседала в позе лотоса слева от Кюны – это Шель. Шатенка с изящным каре, что наделено несравненной чёткостью. У неё огромные, синие глаза, в которые так хочется смотреть и утонуть в них, пусть и не на долго; у неё острые брови, которые так умиляют, когда на красивом лице замирает грусть. Она мудра и рассудительна, но, слишком прямая и дерзкая. В отличие от Кюны, Шель не родилась в Рауде, а сама пришла в него, будучи ребёнком. Это придало ей даже большую популярность, чем у Кюны, потому что настолько юными Райский город находили лишь она и третья девушка, которая совершенно отдельный экспонат, далёкий от восхищения, и никакие заслуги ей не помогут. Потому, пусть и наконецником сейчас является, о ней чуть позже.

Глаза хорошо знали, каким человеком являлась Шель, но не были знакомы с ней лично, ведь она так часто принимала яркое участие в жизни и процветании города. Потому было странно видеть её здесь, да ещё в такой обстановке.

По этой девушке у многих текли слюни, но не у Бернарда, потому он мог себе позволить в этот миг бесстыдно смотреть на её красоту.

Слюни есть слюни, в них нет высот, а вот любили синегла-

зую не все. У многих персонажей Райского города давно разгорелась ненависть к ней и возникло желание – растоптать, и таких тысячи! Было в этой девушке какое-то незнакомое величие, которое раздражало тех, кто чувствовал, что сам он жалок, даже находясь в Раю. Но Бернарду, как человек, она был симпатична. «Девочка с книгой» – называл про себя он её, когда замечал, что она что-то в неё снова записывает.

Завидовали её голосу, её прелестно нарисованным губам, невероятным глазам, считая, что всё это не из этой Вселенной. Неоднозначные глаза далеко не всегда покоряют лучшие миры, а её глаза были именно неоднозначными! Наверное, поэтому она здесь, в этом доме, в этой комнате, среди этих людей. «Видимо, желает покорить не самый лучший из миров!» – думал про неё первый воин.

Третью девушку по имени Милоун, что зажгла свечи и в эту секунду глядела в огромное зеркало, склонив голову на бок, глаза немного опасались. Сколько помнит себя глазастый пацан, столько и обходил стороной её дом, а при встрече замирало дыхание. Для него легче засунуть себе в рот дробовик и нажать на курок, чем заглянуть в глаза Милоун. И он признать не мог, что ею восхищался. О ней нет смысла ему мечтать, потому что ничего взаимно не засветит. По виду и не скажешь, но она невинна своим телом, хоть и виновна во многом душой, а её сердце не покорится даже самому первому воину.

А люди и вовсе шарахались от неё. Для одних она юная

шарлатанка, для других сумасшедшая ведьма, как и её покойная мать. Люди поговаривают, что Милоун её и убила. «Не проста же за одиннадцать лет ни разу не подошла к матери, и стоило один раз посетить её дом, как та лишилась жизни!» – возомнили люди себя судьями. Судьба, то ли коварна, то ли справедлива – распорядилась так, что их первая встреча закончилась смертью. На похоронах Милоун держала боль в себе, никому её не демонстрировала – этим лишь разожгла все злые подозрения.

Что ещё сказать об этой девушке?! Любила ходить по улицам в красивых масках, что прикрывали лишь верхнюю часть лица, не скрывая зелёных глаз. Обожала маскарады, и именно из-за неё они перестали приветствоваться в Раю. То, что любила Милоун, люди стремились ненавидеть.

Ещё, она любила пауков, умела приручать их, и это для Бернарда было самым странным в ней, самым пугающим. Даже сейчас, в доме, состоящем из одной комнаты, на коричневых стенах застыли около дюжины тарантулов. В Райском городе ещё никто не умирал от укуса паука, но Милоун была уверена – стоит ей приказать, и паук укусит. Даже, если весь Рай им велит ужалить и истребить, они это сделают...

Насколько знал Бернард, Милоун никогда, даже словом не обмолвилась ни с Кюной, ни с Шель, а сейчас они здесь втроём, словно знают друг друга давно, будто понимают, что такое магия...

Зеркало смотрело на наивных девушек с насмешкой: «От-

куда вы можете знать, какие эмоции и чувства следует дарить мне, чтобы я не стало вашим врагом?». Если, проходя мимо зеркала, ты не способен не подарить тому взгляд, то, кто ты ему? Заложник или освободитель его красоты? Чем старше зеркало, тем краше в нём отражение человека. Почему так? Видимо, зеркало, в отличие от людей, не стареет со временем, а молодеет, забирая весь сок из того, что в нём отражается.

Но это лишь теории. Что окна, что зеркала – в них всё одно и то же, но почему-то по-разному выглядит.

Милоун, хоть и знала о зеркалах всё, как ей самой казалось, всё-таки, чаще видела в них лишь своё отражение, а не что-то большее...

Глаза заметили, что между девушками разгорается конфликт, творятся разногласия, и всему виной сила ожидания. Глаза не желали что-то пропустить и мгновенно «превратились в уши».

–Что может случиться с этим городом? Что? – вскочив на ноги и вскинув ладони к потолку, возмущалась Милоун. – На дворе двадцать второй век, Шель! Очнись! Где ты видела, чтобы демоны блуждали по улицам? Ты насмотрелась фильмов? Заблудилась в своих снах? Не было такого никогда за всю историю человечества! Не было и не будет! Да, они существуют, они есть, но покинуть мир мёртвых никому из них не удавалось! Никому! Нам нужно, всего лишь, узнать ответ и не более! Это необходимо нашему городу! Этот город

врёт себе, что живёт в Раю, посчитав, что ложь ему поможет! Здесь все ждут чуда! Какого ещё чуда? Нет никаких чудес! Нашему городу нужна помощь, а не чудо, и лишь мы способны ему помочь! Главное, найти подход, и любое дело тебе по силам. Я нашла его, и, теперь, мы сможем остановить пустыню...

Девушки промолчали на её вспышку эмоций, и Милоун вернулась в свою прежнюю позу, на то же самое место, понимая, что ей лучше успокоиться. Однако, молчание не увенчалось долгосрочностью.

—Ну и где же он? — осторожно спросила Шель, опасаясь очередной вспышки Милоун. — Ты же сказала, что он придёт, как по щелчку, что огонь свечи начнёт меняться, а я не вижу перемен, хотя я не слепая! Быть может, это очередной твой маскарад?

Её осторожный голос в сочетании с наигранными щелчками пальцев вызывали у Милоун раздражение, но та понимала, что девушка её провоцирует, и ей не стоит отвечать грубо. Шель не так проста, в прочем, как и Кюна, и способна с лёгкостью вспылить, встать и уйти, а без неё никак! Не сотворить без неё то, что задумала зеленоглазая.

—Шель, не сомневайся, прошу тебя! — ответила она ласково, хотя так желала выпалить какую-нибудь гадость и выколочь ей глаза!

—Тогда, объясни, наконец, для чего нам нужен именно демон пятницы? Только, потому что этот город зачем-то справ-

ляет свой день рождения в пятницу тринадцатого? – скептически прожужжала Шель, криво улыбнувшись.

– Хорошо, я скажу, – секунду поразмыслив, громко ответила Милоун и продолжила тихим голосом. – Как вам уже известно, мне не давало покоя, как погибла моя мама, с которой в жизни мне так и не удалось пообщаться. Я не расскажу вам, как, на самом деле, это произошло, потому что вы не поверите. Она сделала паузу, сглотнув горечи и продолжила, махнув рукой на зеркало:

– Я говорила с ней через это зеркало, что смотрит на вас! Моя мама пребывает в мире пропавших мёртвых, где не самая сладкая участь у любой души, даже праведной. Там есть и очень древние люди, которые застали многое в том мире, и не обделены знаниями и мудростью веков. Один из них и рассказал моей матушке, что, однажды, в этом мире появился человек, которому было по силам сразить любого демона. Этот человек был единственным, кому удалось покорить тот мир, и он правил им два века, хотя до него эта участь лежала лишь на демонах. Но затем этот человек тяжко согрешил, и сам стал демоном! Он стал демоном пятницы и отправился покорять другие миры. С тех пор его не видели в мире пропавших мёртвых...

– Значит, он больше не в том мире? Где же ты собираешься его искать?

Голос Шель звучал бесстрастно, словно Милоун рассказывала ей обыкновенную историю. Кюна же слушала девуш-

ку, раскрыв широко и глаза, и губы, и, явно, желала послушать ещё, с кем им предстоит иметь дело. И такое ощущение, что кареглазой даже есть, что добавить.

– Да, он не в том мире, – кивнула Милоун в знак согласия. – Его несколько веков там не было. И, если другие демоны туда всегда возвращались, пусть даже на мгновение, то он почему-то ни разу там не появился, и никто не знает точной причины. Говорят, что он что-то ищет.

– Тогда, зачем мы здесь? Возможно, его уже не существует!

Шель дёрнулась с места, чтобы немедленно встать, но Милоун остановила её своим изящным жестом.

– Вот именно! – промолвила она, положив ей руку на плечо. – Важно не то, где он сейчас, важно, кто его вызывает! И он точно существует, Шель! В тех мирах не умирают, умирают лишь в мире живых!

– И что же в нас такого особенного, раз именно мы должны его вызвать? – напряжённо спросила Шель, но, увидев обречённое состояние Кюны, попыталась изобразить полное спокойствие.

– Я не знаю, правда! – ответила та искренне и честно. – Я спросила у мамы, почему назвала именно ваши имена, но она не стала отвечать. Знала бы ответ на этот вопрос, точно сказала бы.

– С чего ты так решила? – усомнилась Шель.

– Зато она сказала, что какой-то безглазый старик очень

желал помочь нашему городу, – ответила та, проигнорировав вопрос.

– Почему мы должны тебе верить?

– Я записываю на диктофон все свои визиты в мир мёртвых, но всё, что я вам рассказала, было окутано помехами. Кто-то не пожелал, чтобы вы это услышали, потому ничего вы мне не должны...

– Как удобно. – с сарказмом прервала Шель.

– Но записано начало разговора.

– И что в нём?

Вместо ответа Милоун протянула руку к невысокой, хиленькой тумбочке, со скрипом отворила дверцу и извлекла небольшое устройство. Переглянулась с заинтригованными девушками и с победной улыбкой на лице нажала на кнопку. И запись началась.

Невыносимый скрежет – это первое, что они услышали. Вторым звучанием стал голос, принадлежащий Милоун – он звал свою маму. Все неприятные звуки, что выдумал мир, переплелись друг с другом и сопровождали её зов. Дюжину раз ей пришлось позвать её, прежде чем та откликнулась.

– Прости меня, дочь! – первым же словом прохрипела та. – Прости, что бросила тебя!

Её голос был жутким, лишённым дыхания, но слушатели старались не бояться, хоть это не важно получалось.

– И ты меня прости. – ответила ей тихо Милоун и добавила. – Прости, что так и не решилась к тебе подойти!

–Позволь, рассказать тебе историю? – неожиданно для всех спросила её мама.

–Историю? – не поверила ушам Милоун.

–Да. Я не успела её рассказать, а должна, ведь я одна из тринадцать судеб...

–А кто это?

–Это те, кто помогут воплотить великую мечту...

–Расскажи. – не терпелось Милоун. – Расскажи свою историю...

Матушка не промедлила и рассказала историю на одном дыхании, и сократив её, и обеззвредив:

–Когда-то всей пустыней правил царь, и никогда не думал он её покинуть! Не желал он оставлять её в одиночестве. И не оставил бы, если бы не змеи! Их стало слишком много, и они напали на людей. Люди просыпались в своих домах, а вокруг них ползали змеи и жалили за ноги, а позже за лицо. И людям приходилось бежать, если успевали вовремя проснуться! В высоком замке жил безмолвный царь пустыни и думал, что к нему змеи не подберутся. Но он ошибся – его постигла та же участь. Однажды, он проснулся, а его семья мертва, и вокруг него дюжина змей. Отрубил он головы шипящим тварям, похоронил свой дом и увёл свой народ из ненавистной пустыни, оставив ту в пустом одиночестве! Скрыл он свой народ от света солнца, спрятал его в тёмных лесах и прожил жизнь, лишённую тревог. Когда он умер и угодил в мир пропавших мёртвых, его сразу же провозгласили демо-

ном темноты, а пустыня стала живой, хоть ещё не шевелилась. Обычно, на то, чтобы стать демоном, уходят века, насыщенные грехами, а его провозгласили демоном сразу же – лишь за то, что оставил пустыню одну, наедине со змеями. Демон темноты не долго наслаждался лаврами. Всего-то век сидел на чёрном троне и был сражён обычным человеком, и в мире мёртвых взошло солнце, а в мире живых расцвела пустыня...

История окончена, за ней последовали непрерывные помехи, в которых ничего не разобрать. Видимо, среди них и находились слова о демоне пятницы, и о том человеке, которым он был, но это, увы, не узнать...

– Это ложь! – нарушила тишину Кюна своим высокомерным восклицанием, что было совсем не свойственно ей. – Она желает сбить нас с толку!

– Она не желает мне зла! – гневно ответила ей Милоун, а затем задумалась на миг, убив эмоции, и спросила. – Почему так уверена, что ложь? Ты что-то знаешь?

Сначала Кюна растерялась, но на миг, а затем, как ни в чём не бывало, ответила ей предельной сдержанностью:

– Конечно, не знаю, но это же бред винить какого-то демона темноты в том, что появилась пустыня. Это одно и то же, что винить одного человека во всех пороках мира...

– Знаешь, Кюна, – вмешалась в их спор Шель. – Когда я впервые вошла в город Рау, первой моей мыслью было, что это он повинен в том, что на Земле пустыня. Судя по содер-

жанию истории, ни демон темноты виновен, а демон пятницы, который и сразил его! Раз день рождения нашего Рая в пятницу тринадцатого, значит, они чем-то связаны...

–Конечно же, Рауд виновен во всём! Я в этом уверена! – прервала её мысли Милоун и продолжила своё слово об отце воина, который наблюдал за ней через окно. – Помните того мужчину, которому с неба прилетел кирпич? Вы, ведь, тоже были там и видели. Он, просто, шёл по улице, а кирпич, просто, летел с неба, но промахнулся, а на следующий день этот человек исчез, был похищен пустыней! Райский город не дал тому ни единого шанса, как только он ему наскучил! Здесь все погибают нелепо! Получается, цена за Рай – нелепость? Нам не только предстоит остановить пустыню, нам нужно найти выход из нашей тюрьмы, иначе всю жизнь быть нам в клетке!

Зеленоглазая брюнетка молвила всё это, загадочно пронзая синие очи Шель, но задела этим словом других присутствующих. Милоун не замечала, что происходит за спиной, пока Кюна не начала трясти её за руку.

–Что? – недовольно огрызнулась колдунья.

–Свеча. – прошептала та шепло, будто голос покидал её.

Милоун аккуратно повернулась к свечам, боясь потушить их одним неверным движением, и замерла, не зная, чего ждать. Даже дыхание стало осторожным, а правая рука метнулась вверх, и указательный палец призвал всех к тишине.

Свеча в середине треугольника горела тёмно-коричневым

пламенем, будто отражала очи Кюны. Пламя других трёх свечей истинного цвета не меняло. Все три пары глаз не отрывали взглядов от самой важной свечи, а те очи, что за окном бегали по всей комнате от громкого предвкушения, жадно поедая всё происходящее. Они прижались к стеклу, уже не стесняясь быть замеченными. От частого дыхания на окне образовался пар, но глаза желали досмотреть всё до конца и стирали его со стекла. И сердце почему-то не ощущало грядущую опасность, хоть и глаза умеют чувствовать.

Девушки услышали треск главной свечи, от которого мурашки побежали по коже, а огонь, словно взбесился и начал танцевать свой безумнейший танец!

– Похоже, он выбрал тебя, Кюна! – нервно улыбнулась Милоун, ни на секунду, не отведя взгляда от свечи.

Этим словом лишь сильнее перепугала девушку, а, когда из зеркала раздались три коротких стука, сердце Кюны задрожало. В прочем, страшно было всем, даже Милоун. Было ощущение, что кто-то стучится в их мир из старого зеркала, кто-то просит открыть двери и запустить в мир живых неведомое.

Цвет свечи вновь изменил себе и стал синим, как глаза Шель. Затем снова три жутких «тук-тук-тук», и цвет свечи вернул себя к тёмно-коричневым тонам. Этот стук из зеркала был страшнее всего, что они слышали и испытывали за свою жизнь. Что-то в нём было такое, что выворачивало всё нутро! Когда стук начал извергать себя каждую секунду

и беспрерывно увеличивать свой ход, у всех четверых душа ушла в пятки. Цвет свечи менялся так быстро, что глазам было больно смотреть, а затем, словно кто-то сильно подул на свечи, и они погасли. В комнате остался лишь свет электрической лампы и беспризорная тишина, что давит на любую душу тяжелее грома!

Стук прекратился, а три пары глаз обменялись запуганными взглядами. Милоун хотела что-то сказать, чтобы сгладить атмосферу, царящую в комнате, но потусторонний, размеренный, но очень жуткий голос из зеркала опередил её:

—А кто это смотрит на меня из окна?

Когда демон произнёс свою первую фразу, чья-то невидимая рука одновременно повернула головы девушек к окну. Парнишка, что стоял за окном, не кричал от испуга, но сделал шаг, споткнулся и упал на рыхлую землю. Затем все услышали топот убегающих ног, и вновь вернулась тишина.

Но сейчас, девушкам не до этого. Совсем не важно им сейчас, что кто-то всё увидел и попытается об этом рассказать...

—Меня раздрает на кусочки от любопытства, — промолвил красивый, мужской голос, доносящийся откуда-то издалека, словно за зеркалом неведомые расстояния и дали. — За столько веков ни одна душа меня не вызвала, а сейчас сразу три! Почему вас трое?

И Шель, и Кюна не могли сорвать ни слова со своих уст, а Милоун зачем-то засмеялась, повернулась к подругам и громко выпалила:

– У нас получилось!

– Мне не нравится твой смех! – затмил её ликование далёкий голос зеркала, – а ещё больше мне не нравится, когда не отвечают на мои вопросы! Сейчас я приду, и мы вместе с тобой посмеёмся! Я научу тебя, как нужно правильно смеяться!

– Ты угрожаешь мне? – смело ответила Милоун.

Она была безгранично уверена, что невозможно выбрать-ся из тех миров! Никак невозможно, каким бы ты демоном не был! Но у самой ком стоял в горле и пытался ей что-то сказать.

– Какая смелая! – ликовал демон пятницы. – Мне это нравится! Но, разве, смех это угроза? Я сам хочу смеяться, тебя этому научить! В чём же ты видишь гром и грозы?

– Покажи себя! – по-прежнему бесстрашно воскликнула Милоун.

Повисла долгая пауза, а атмосфера в комнате накалялась до предела, ведь зеркало менялось на глазах. Оно превращалось в что-то, похожее на картину с живыми красками. Да, картина была живой и красочной, и не похожа она ни на Рай, ни на ад.

Зелёная поляна пред глазами, сочный пейзаж, и в мире том, словно царила невесомость. Парили в воздухе цветы, но этой красоты три пары глаз не замечали. Они глядят на тех, что собрались на маленьком холме.

Точно быть уверенным нельзя, ведь расстояние до них не

близкое, но казалось, что собравшиеся общались друг с другом и, будто бы с любопытством поглядывали на трёх девчонок, которым удалось увидеть мёртвый мир. Их было больше двадцати, на них одежда всех времён, и образ каждого был разноликим. Кто-то из них демон пятницы, но для Шель, Милоун и Кюны он был стёрт из памяти на миг. Всё восхищение взора своего направили на тех людей, кому дано Богом жить с белыми крыльями.

Ангелы! Среди собравшихся были ангелы! Их было пятеро – трое мужчин и две женщины. Все в лёгких одеяниях со светлыми тонами, у каждого на лицах царил чистота. Их образ был настолько Божественным, что ослеплял.

Ни Милоун, ни Кюна не смогли промолвить своё слово, хоть и очень им этого хотелось. Что-то им не позволяло говорить! Лишь у той, кому суждено быть ангелом, получилось произнести слова.

– Там ангелы! – зашептала восхищённая Шель, и демон пятницы впервые услышал её голос. – Почему ангелы стоят рядом с демоном?

– Да, моя Хэлли! – ответил ей демон пятницы с отдалённой нежностью, не напоминающей искреннее чувство. – Здесь, даже ангелы по твоей воле! Лишь только ты всех нас сегодня собрала, а те, что с тобой рядом, это, всего лишь, инструменты!

Девушки переглянулись от услышанного из зазеркалья, и во всех глазах теснилось удивление. «Зачем он так ска-

зал?!» – размышляла синеглазая. – «Даже отсюда слышно, что намеренно!».

Шель была возмущена, Милоун заинтригована, и лишь одна Кюна желала скорее покончить с этой затеей и сбежать из лап демона пятницы. Её сегодняшние подружки не знают, но много лет назад она видела демона своими глазами. И этот день стал самым печальным в её жизни, а все последующие дни были с привкусом той самой печали

–Я не твоя! – воскликнула Шель после долгой паузы. – И всё во мне далеко от имени Хэлли! Ты меня с кем-то перепутал, демон. Посмотри вокруг! Может, рядом с тобою бесы...

Шель засияла от своего остроумия, но демон ничего ей не ответил. Он обдумывал её слова, пока та искала его среди собравшихся за зеркалом. Но это было сложно, никто из них не выдавал себя! Они все общались между собой, и никто уже не смотрел на девушек. «Видимо, демон не среди них!», – ошибочно решила Шель.

–Помоги нам, демон пятницы! – попросила она всей своей чистотою и искренностью, и демон пятницы не мог ей не ответить:

–Чем?

–Остановить пустыню...

Снова молчание, а, значит, он не мог сказать наверняка. Но через паузу ответил ей предельно ясно:

–Я не Бог! – и добавил. – Посмотри на пустыню и посмотри на человека! Да даже на всех людей посмотри! Мы ничто

перед ней...

– Лишь ты знаешь, как её остановить...

Молчание повисло на минуты, и демон, явно, не собирался его прерывать. Видимо, был занят другим или другими.

– Не можешь, значит? – с улыбкой спросила Шель, хотя душа её совсем не улыбалась.

– Раз пустыня подкралась к вам, значит, вы этого достойны! – ответил тот жестоким голосом, далёким от прежней нежности. – Значит, жили вы настолько скверно, что стыдно за вас всем предыдущим векам!

– Это не так... – пыталась возразить Шель, но демон пятницы не желал слушать её слепые аргументы.

– Как ты представляешь это? Как из мира мёртвых я могу повлиять на мир живых, да ещё в таких масштабах? Это невозможно! Только, находясь в мире живых, я смогу сотворить подобное!

Демон был твёрд в своём слове, а Шель не верила ему.

Она спокойно поднялась на ноги, подошла к зеркалу и попыталась нащупать взглядом лицо демона, но оно, всё также, неподвластно ей. Это заставляло нервничать.

– Тебе страшно, Шель? – спросил он едким полушёпотом, и она шарахнулась от такого шёпота, что мигом взял в плен все её мурашки.

– Что будет, если он пройдёт сквозь зеркало? – обратилась она к Милоун, яростно сверкая взглядом.

Но Милоун не знала, что ответить ей и боялась признать-

ся, что не имеет представления, как его остановить. Что-то мешало ей раскрыть свою ложь. Она солгала им, что способна изгнать его в любой момент, чтобы те вошли в её логово. Не способна! С демоном она встретилась впервые. Милоун, всего-то лишь, доверилась родному, но далёкому человеку, и, видимо, зря! Сейчас ей, даже было стыдно, что заманила этих девушек в свой дом, не подумав о том, что их троих может ждать.

—Она солгала вам, как лгала тысячу раз многим людям! — воскликнул за неё демон, будто прочёл каждую из мыслей, что посетили голову Милоун. — Никто не должен знать, как меня остановить!

Смех бушевал в зазеркалье — хоть тихий, но мучительный, и он переливался эхом для тех зрителей, что наблюдают из мира живых. Не только демон смеялся над юными девушками, в едином смехе сплелись тысячи голосов, и, во время очередного раската, на зеркале хрустнула трещина и с треском она продолжила свой путь вниз от середины.

Девушки испуганно смотрели сквозь неё, а в их глазах блуждала паника. Она не находила выхода, от того непослушны были руки, и судороги ног подобны удару под дых.

Милоун схватилась за голову, а Кюна за лицо, а Шель встала спиной к страху и попыталась остаться сильной.

—Что нам делать? — закричала она на весь дом, переводя взгляд от одной девушки к другой, но обе были в недоступном ступоре и ничего ответить не смогли.

– Поздно что-то делать! – зарычал демон пятницы, но рёв его был мягок и спокоен, а Шель всё искала и искала хоть что-то глазами, но ничего увидеть не могла...

Кюна подняла руку и не пыталась ею что-то показать. Она, как будто защищалась от чего-то, и в глазах её царил лишь шок. Через взгляд правдивый так легко передаётся, что си-неглазой вновь не устоять.

Шель, наконец-то, обернулась и посмотрела на то, что было нарисовано на зеркале.

Сначала бросилось в глаза, что зелёную поляну накрыла чья-то тень, и тень так была похожа на огромные крылья, что очень уж хотелось верить, что это, всё же, ангел...

Один из собравшихся на холме лежал на траве, раскинув свои руки. Он был сражён тем, кто на всех парах мчался в сторону зеркала. Другие, в том числе ангелы, не шевелились, а безучастно наблюдали, как демон пятницы стремится в мир живых! Будто бы ангелы уже были не против!

Оставалось всего несколько метров, и его бледное, красивое лицо было, как на ладони, а глаза, его бешеные глаза, с жадностью сверлили взглядом только Шель! Будто лишь она тот лакомый кусочек, который так и хочется вкусить! А, может быть, и съесть...

Через секунду он прыгнул, как зверь, расправив свои когти во все стороны, и на лице его написана улыбка, ну а в глазах его безумный огонёк. Как-будто демон беспредельно счастлив, как будто демон хочет жить, и ничто на свете не

способно помешать...

И Кюна, и Милоун сочли, что это их конец! Но Шель так не считала, она желала жить и опередила демона пятницы. Схватила обречёнными руками главную свечу вместе с подсвечником, и свеча вспыхнула в руках зелёным пламенем и чуть не обожгла её красивые глаза, но была с силой отброшена в зеркало, уже готовое сломаться на куски. И зазвенели королевские ноты разбивающегося стекла, и по полу деревянному рассыпались. Мелодия тех нот чиста, как кристалл, несмотря на то, что режет слух, но появляется надежда, что у демона не вышло проникнуть в мир живых.

За тем, что миг назад было зеркалом, возникла пугающая темнота, а в комнате в который раз повисла тишина! На этот раз длилась дольше минуты, и спокойствие с каждой, пройденной секундой постепенно возвращалось к ним.

Кюна облегчённо выдохнула, оглянулась по сторонам, боясь застать что-то за спиной, и обратилась к Шель своим благодарным взглядом.

–Я думала, у меня разорвётся сердце! Спасибо тебе, Шель, – призналась она, а потом с укором взглянула на Милоун и добавила, – что не струсил, как мы!

–Зачем ты солгала? Ты, ведь, не знала, как его остановить! – закричала Шель на Милоун, проигнорировав искренность Кюны.

Её глаза рвали и метали, в них было желание придушить эту темноволосую девушку за то, что подвергла их такой

опасности.

–А ты что ли не лжёшь? – зарычала Милоун, вскочив на ноги. – Вспомни, какая жизнь у нас, и сколько миллионов раз нам приходится лгать! В этом городе никто не знает о твоей жизни, что была до того, как ты пришла в него! Тебе каждый день приходится лгать о себе! В прочем, как и мне! А ты, Кюна, – переключилась она на вторую девушку более разъярённо. – Сколько раз в день ты лжёшь, прикрывая своего прадеда? Думаешь, я поверю, что ты ничего не знаешь о создании этого города? Да, твой прадед любит тебя больше всего на свете, и любовь раскрывает все свои секреты, но мы имеем право знать, как был создан этот город! Я уверена, раскрой ты этот секрет, то мы могли бы спасти его, а ты жертвуешь всеми нами ради одного человека, которому жить то осталось от силы год! А моя ложь – благородна! Я хотела спасти этот город, и я его спасу!

Милоун, явно, стало легче после того, как сорвалась на девушках, хоть и солгала в последнем предложении, ведь желала совершенно другого. И уже рвалась выйти из дома, чтобы подышать успокаивающим воздухом, но что-то её остановило. Ей, словно пришла мысль, которую нечаянно забыла где-то, а сейчас она сама предстала перед ней, как на блюдечке. Юная ведьма повернулась к Шель, расправив свои руки, и посмотрела ей в глаза с наигранным презрением. Улыбка занимала пол лица.

–И, кстати, Шель! – воскликнула она, всем сердцем об-

ратившись синеглазой. – Разбив зеркало, ты открыла ему дверь...

– Вот именно! – раздался томный голос из темноты разбитого зеркала. – Все двери нараспашку...

Три пары юных глаз набросились на раму старого зеркала, и их сердца готовы были разорваться. За рамой объявилась бледная рука с острыми, аккуратными когтями, но девушки не успели ощутить всю значимость страха. Что-то похожее на ультразвук заложило их уши, поцарапало мозг, а затем загремело громкое «Бум!», и потухли три свечи, а весь дом разлетелся на щепки...

Осторожно, в Раю снова демоны, и не писан им чей-то закон. На запреты махнули манерами, и кто скажет, что мысли неверные они снова поставят на кон?!...

Г

лава 3

От Бога до дьявола – пара шагов.

«Где же, где же мой ангел порхает? С кем пылит он свои вечера? Обо мне ничего он не знает, а я взглядом в окно – тот взлетает, и мне легче дышать до утра! Где ты? Где ты? Никак не найти мне. Не прошу у тебя я крыла. Не желаю я в небо проникнуть. Приручи меня Богом, молитвой и позволь мне увидеть тебя. Где же, где же мой Рай начинается? С кем в нём буду я жизнь утешать? Я листал её всю – не читается! В ней начало концом притворяется, и кого-то из них надо ждать...». – это мысли, это, всего лишь, мысли демона пятницы, когда его холодная рука проникла в мир живых и насытила себя человеческим жаром...

Рука демона раскрепостила свои пальцы, сжалась в кулак, нащупала когтями воздух и несколько мгновений наслаждалась этим прикосновением. Она, будто не верила, что уже в мире живых, и ей позволительно всё.

Комнатный воздух исчез вместе со стенами, окутал со всех значимых сторон, и пальцам ледяным от этого приятно.

Всего лишь, один шаг, и демон пятницы предстал во всей красе пред долгожданным, живым миром. Предстал он так, что растопил сердца, а не запугал до смерти трёх девиц. Пе-

ред ними, отныне, он вечный должник, ведь подаренное ими называют: «второй шанс» ...

Не сказать, что его костюм современен, но и запах древности в нём не присутствовал. Белая жилетка, чёрная рубашка, чёрные штаны, белые туфли. Рубашка не полностью темна, присутствовали бежевые полосы на воротнике и на рукавах. Обычно, если человек одет в такой манере, то он предпочитает золото, а не серебро, но манжеты у демона именно из серебра, выкованы мастером, полюбившим фантазию.

Но то, во что он был одет, всех героинь не волновало. Три пары глаз не могли себя оторвать от его лица. Они не были очарованы, они не были заколдованы его очами, но что-то им мешало спрятать себя от этого демона.

Не похож он визуально на сильнейшего из демонов. Наверное, поэтому и стал таким. Пока никто не ждал от него великих свершений, он, молча, творил свои дела. Быть может, он и сейчас остался тёмной лошадкой, но никто об этом не задумается – ни в мире живых, ни в мире мёртвых.

Демон стоял перед ними и сиял своей белоснежной улыбкой. Казалось, на лице его застыл оргазм от «нового рождения». Настолько велико было его наслаждение от совершенно неожиданной победы. Каждая чёрточка его лица была тонка и выразительна, но холодна, как лёд. Кожа голубоватого оттенка, под глазами синие круги, и губы были синими. Не сказать, что глаза его – карие, ведь зрачки настолько велики, что оставили от прежних цветов лишь тонкую полосу.

Но глаза сияли, глаза беспрерывно сияли. Волосы тёмные, короткие, чуть взъерошены. Щетина отсутствовала. Нос ни раз был сломан, но всё ещё дышит.

Хоть как опиши образ, каждый представит его по-своему. Образ его величественен, не смотря на средний рост. Создавалось ощущение, что перед ними не демон, а король, что нарядил себя в то, что ему не подходит...

Он огляделся и удивлённо развёл руками, увидев, что стены дома, и всё, что было в нём, лежит среди деревьев. Крыша повисла на их макушках, а всё, что осталось от дома это фундамент, деревянный пол, разбитое зеркало, три девушки и три свечи.

Судя по его выражению лица, он, будто сам себя пытался убедить, что к разрушению совершенно не причастен. Не ожидал такого выхода и был поражён не меньше девушек, но исправить всё желание возникло. Он щёлкнул пальцами, и у всех на глазах возникли новые стены. Правда, уже были белыми, а не коричневыми. Всё, что было в доме Милоун Крышу демон возвращать не стал.

– Я демон-созидатель! – тут же объяснил он свой поступок, и это были его первые слова в этом, уже незнакомом мире живых.

От его первых слов им стало немного спокойнее, но страх пред неизведанным не оставляет никого.

Две девушки всё также сидели на полу, целые и невредимые, во все глаза глядели на демона, который в этот миг по-

хрустывал суставами своей шеи. Лишь Милоун пребывала в позе лёжа, упав после потустороннего взрыва. Потихоньку приходила в себя, но ещё не решилась встать на ноги.

Взгляд демона коснулся Шель и очень долго всматривался, пытаясь что-то разглядеть. Его ноги медленно и осторожно приближались к ней. С каждым его шагом, душа Шель содрогалась и желала заплакать, а тело предавало её так откровенно, так безбожно. Её руки сжались в кулаки, а ногти до крови впились в кожу и резали её, но боль сейчас не ощущать.

Он приблизился вплотную, потянулся к ней своими когтями и прошептал ей очень нежно:

–Я так долго искал тебя...

Шель сама не ожидала от себя, но оттолкнула демона ладонями! Тот отошёл на шаг и разочарованно уставился на неё. Сожаление так и плещет, хоть и злости в его взгляде нет. Судя по взгляду, такого поворота не предвидел.

«Я вас не знаю! Что ещё сказать мне? Ваш трепет мне сегодня не знаком. Не таю с ваших глаз, нет сил мять платье, но кто-то в вас, конечно же, влюблён...».

–Кто ты? – спросил её демон так, словно не знал.

–Я Шель.

–Имя не суть!

–С чего бы это?

–Кто ты? – повторил он вопрос.

–Я не знаю.

–И я не знаю. – задумчиво промолвил он и спросил. – Судьба или случайность?

–Случайность. – уверенна ответила Шель.

–Сомневаюсь. – не согласился демон.

–Почему?

–Знаешь, в мире мёртвых ты, либо ищешь своих близких, либо ищешь путь домой, то есть, в мир живых. Никому не удавалось найти этот путь, и никто не нашёл, если бы не вы трое. Разве, это не судьба?!

–Рядом с тобой стояли ангелы. – прошептала Шель то, что никак не выходило из головы и спросила. – Кто они тебе? Близкие? Или те, кто пытался тебя остановить?

Её слова задели его чувства, что всем показалось странным. Всё-таки, вопрос об ангелах вызвал в демоне высокие эмоции, и это интересно. Кому-то даже показалось, что у него заслезились глаза, но слеза так и не покинула их. Демоны не могут плакать так, как это дано людям. Да и вообще, мало, кто из них проливал слезу, ведь время более безжалостно над ними, чем над человеком.

–Не все из них меня пытались остановить. – уклончиво ответил демон пятницы, чем лишь разогрел их жгучий интерес к своей персоне.

–То есть, ангел может стать другом демону?

–Я не знаю. – ответил тот растеряно, ведь несколько минут назад сам впервые говорил с ангелом, хоть с ними все века речей не заводил. – Стать ангелами могут способные лю-

бить, и я сомневаюсь, что кто-то из них отвернётся от своего близкого, даже, если тот превратится в абсолютное зло...

Ни слова не сказал о себе, но обобщил достаточно, чтобы девушки думали о ангелах, а не о демоне, представшем перед ними.

–Ты мечтаешь о мире без пустыни? – спросил он Шель так, словно уважал её мечту.

–Да! – призналась она и впервые ощутила доверие к демону.

–Это прекрасная мечта. – поддержал её он, не взвесив шансов на успех.

То, что Шель чем-то интересна и симпатична ему, было заметно, каждому в этой комнате. Демон ни на ком ещё не задержал свой взгляд, только на ней. И, несмотря на то, что Милоун обвинила Шель в том, что она открыла дверь демону, сам демон не пытался вызвать в ней чувство вины, не стремился настроить против неё остальных присутствующих. Не желал он, чтоб те сожгли её душу своими обвинениями и разъедающей злостью.

Все здесь понимали, кто был инициатором задумки, но не всякий виноватый сочтёт себя виновным, ища вину во всех, но не в себе. Милоун так и сделала и уже начинала ненавидеть Шель. Когда демон пятницы произнесёт следующую фразу, её ненависть достигнет эпопея, ведь будет ущемлено самолюбие.

–Пойдёшь со мной? – спросил демон у Шель. – Я покажу

тебе весь мир!

Он протянул ей свою длинную руку, но сжать её в своей Шель не спешила. "Кто он такой, чтобы идти за ним? Кто он такой, чтобы ему поверить?" – размышляла про себя, не зная, что всё слышно. – «Слова его сильны, конечно! Последней фразой так и манит сжать его ладонь и отправиться с ним, хоть на край света, но найду ли я на том краю то, что, действительно, ищу?!» ...

От чёрных очей демона её отвлёк еле заметный, красный дым, что появился у остатков зеркала. В нос ударил сладкий запах чего-то приятного и незнакомого, и голова закружилась от нового вида опьянения. Глаза на миг закатились под веки, и Шель чуть не упала, но что-то удержало её на ногах.

Ни один нюанс не сбежал от глаз демона, и он, немедля, обернулся к зеркалу, но не успел – красный дым уже исчез. Шмыгнул носом, принюхиваясь к новому, тающему на губах, аромату, и подозрительно посмотрел на Шель, не роняя слова. Ни Милоун, ни Кюна почему-то не узрели дым, хотя глаза их были напротив разбитого зеркала.

До Шель только сейчас дошло, что она пропустила тот момент, когда её страх перед демоном испарился. Наверное, когда спросил: «Пойдёшь со мной?». Или нет?! Что-то она совсем запуталась.

Глаза демона были непроницаемы, по ним не понять, почему никому сейчас не страшно. В них лишь читалось: «Если бы хотел убить, то за секунду растерзал бы!», но кроме

этого ничего в них не присутствовало. Точнее, не увидеть, пока тот сам того не пожелает.

Взглянув на Кюну и Милоун, Шель убедила себя, что демон пятницы лишил их всех троих немого ужаса, который они испытали минутами ранее. Судя по тому, как они впились взглядом в его образ, он им, явно, чем-то нравился, не смотря на бледность кожи, дикость черт лица и зверство длинных рук.

На руки его она, как раз, перевела своё внимание, когда ранее незнакомая ей ревность запылала в юном сердечке болезненным огнём и зашипела на тех, кто с чувством смотрит на то, что ей любо. Нежданно для неё, в ней начали просыпаться чувства к этому незнакомому существу, хоть Шель пыталась себе лгать, что это невозможно: «Он же демон! Он же зло! Как добру может нравится зло?».

Демон не заметил всех этих сомнений из-за вспышки ревности, что и вызвала их на обречённый поединок. Обычно, мужчины любят эту, так называемую, ревность, но он ни в одном из миров обычным не будет, и ревности он не был рад. Почему-то в его глазах впервые мелькнул страх. Рука потянулась назад, но Шель успела схватить её и крепко сжать в своей ладони, ощутив на себе весь лёд её кожи. Ей было холодно, но ледяные покалывания были, довольно-таки, приятны.

Что ощутил демон от её прикосновения, она не знала и не почувствовала, а черты его лица остались молчаливыми.

Почему мелькнул страх на его лице при виде её ревности, ей было не важно, не ясно и даже не любопытно. Демон пятницы сам способен напугать кого угодно, а тут всё вышло с точностью, да наоборот. И, всего-то лишь, ревность, но это такая мелочь для неё...

Не отпустив её руки, он сделал шаг вперёд и повёл свою избранницу к новенькой, узорчатой, сиреневой двери, которая сейчас откроется впервые. Но, прежде, чем выйти, он подарил свой взгляд другим девицам, и их мурашки не заставили себя ждать. Дыхание застыло, и два сердечка рвались из груди. Особенно, у Милоун, которую демон хотел научить правильно смеяться. Но на Милоун взгляд задержался всего на секунду, улыбка скривилась в ухмылку, и взгляд перешёл на ту, что послабее. В Кюне демон блуждал долго и сосредоточенно, чем вызвал ещё одну вспышку ревности у Шель. Затем поднял палец вверх, засиял счастливой улыбкой и промолвил ей, глядя в глаза:

–В нас течёт одна кровь! Ты потомок моего брата!

Кюна вздрогнула так, словно демон раскрыл её величайшую тайну. Очи забегали, пытались спрятаться от трёх пар глаз, что в этот миг уставились на неё и жадно изучали, а разум, наконец-то, осознал, кто перед нею стоит и кем он был в мире живых!

Как на ладони было то, что слова демона для девушки неожиданность, и от глаз его не скрылся факт, что две фразы стали открытием для неё. За секунду Кюна заново раскрыла

для себя тайну Райского города и всю горечь его существования. «Только вот, что с этими знаниями делать, раз рассказать никому не могу?!».

Демон пятницы сиял от её мыслей – они его умиляли, заставляли легонько посмеиваться про себя над её наивностью, но последняя мысль белокурой девушки его насторожила, хоть через минуту уже будет думать, что тайны Райских городов совершенно его не касается.

–Твоё имя Триум? – нежданно для всех спросила его Кюна.

И в мыслях двух девчонок звучал один вопрос: «Тот самый Триум?!». Ещё более нежданно он ответил ей на это:

–Да. – и добавил. – Много знаешь обо мне?

–Для меня ты был лучшим из людей своего времени...

–Однако, я стал демоном! – резко порвал её слова на клочья, не дав блондинке договорить, и их короткий диалог был навсегда окончен.

Осмотрел небогатую комнату, покружив по ней глазами, затем прошёлся взглядом по звёздному, ночному небу, а потом только промолвил, обратившись к обеим, но больше к Милоун, чем к Кюне:

–Я советую вам бежать из этого места, спрятаться где-нибудь, где вас не найдут! Вы мне не враги, я вам зла не желаю, но глаза, что наблюдали за вами... – сделал намеренную паузу и продолжил. – Думаю, эти глаза не умеют правильно преподносить правду, но его губы любят много говорить...

Затем сиреневая дверь впервые отворилась и без скрипа захлопнулась, и демон пятницы исчез вместе с Шель в ночном, Райском городе, оставив после себя и тишину нелёгкую, и страх, что покорила обратную дорогу, и пронизывающий холод под кожей, и тысячи поводов для беспокойства о своей жизни.

—Что нам делать, Милоун? Что нам делать? — первой нарушила тишину кареглазая, и от голоса её сквозило страхом.

Кюну трясло, дрожит, как лист осенний. Присела в мягкое кресло на дороге, а её тело так и раскачивает из стороны в сторону, а душа её никак не может отдышаться и прийти в себя. Нет сил в этот миг здраво мыслить! Лишь потихонечку, болезненно переваривала всю многогранность сложившейся ситуации, где каждая грань ничего хорошего ей не сулит, ведь, наконец-то, наступила решающая пятница тринадцатого.

—Закрой свой рот! — ответ был кратким, но действенным.

Истерика Кюны получила пощёчину, и стала без притворства заикаться!

—Но, ведь, это сам Триум...

—Да мне плевать, кто он! — воскликнула Милоун, и очи засияли. — Я не собираюсь бежать, потому нам с тобой не по пути.

Кюна вскочила на ноги, и её доброе сердечко разрывалось на молекулы от неминуемого. В эту минуту девушка больше всего боялась остаться одна, но, видимо, именно это её

и ожидало.

–Мы должны... – начала она, но Милоун не дала ей закончить своим жестоким словом.

–Что должны? Держаться вместе? Кто тебе это сказал? В каких мирах ты летаешь? Ты слабая и избалованная! Ты ни к чему не приспособлена, ничему толковому не научена! С тобой шансов выжить – ноль! Без тебя они есть...

–Но это ты всё устроила! – кричала ей Кюна, сжав кулаки, как будто собиралась ударить. – Это ты втянула меня во всё это! Во всё виновата только ты!

–И что? – была непробиваема Милоун. – А Шель выпустила демона из той клетки в нашу клетку, но, однако, меньше всего шансов выжить у тебя! Мы то с ней переживём всех демонов! И кто сказал, что мир несправедлив?!

Пауза была недолгой, но за эти секунды Кюна смирилась, что ей придётся уйти и уже представляла, как будет бежать по окраине города, как будет прятаться от всех прохожих, поглощённых радостью праздника, ведь Берnard, возможно, уже рассказал всему Райскому городу, что они сегодня натворили.

–Сам мир и сказал! – ответила она, ухмыльнувшись, решив позлить ту на прощание. – Ты ничего не знаешь о Райском городе, о моём Роде и о моём прадеде, чтоб быть уверенной, кто здесь будет жить, а кто останется гнить навечно!

К словам её прилипли капли яда, потому и ответ был подобным.

–Убирайся отсюда! – зарычала Милоун, и её зелёные глаза, пропитавшись гневом, стали очень яркими.

Конечно, в Кюне мелькнуло желание ответить на её слова коварной злостью и раскрыть ей частичку тайны Райского города, дабы поставить на место много возомнившую о себе. Но сдержалась самая юная героиня этой истории. Ей двадцать лет всего, но очень рано научилась контролировать всё неразумное, что было в голове.

Повернулась спиной к зеленоглазой ведьме и вышла вон, даже не хлопнув дверью, и в доме наступила тишина...

Милоун прижалась к стене, плавно спустилась по ней на пол и горько зарыдала, уткнувшись глазами в свои колени, что были объяты обеими руками. Было очень стыдно перед собой за все эти злые слова, за свой некрасивый поступок, а перед мамой за то, что её дочь рыдает из-за совести!

Ей казалось, что Мама смотрит на неё сейчас без капли жалости и не понимает дочь за её слабость. Но это не так, она совсем не знает свою маму.

Милоун ненавидела себя и ругала, не произнося ни слова. Всю свою жизнь она боролась с совестью, но чаще с распротёртыми объятиями её ожидали лишь поражения. Совесть не любит проигрывать тем людям, которые скрывают своё истинное лицо и человечность.

Пять лет назад она столкнулась с мамой в Райском городе, но не сказала ей, что перед нею её дочь. Та посмотрела на неё изучающим взглядом и промолвила ей тусклым голосом,

лишённым чувств:

–Единственное, что нас старит и быстрыми шагами ведёт к могиле – это совесть! Побори её, и ты победишь, даже саму смерть!

Милоун горько улыбнулась её слову, решив в этот момент, не оставить той ни единого шанса на воссоединение. Сказался и переходный возраст, и спросила Милоун свою матушку с вызовом:

–А у тебя совесть есть?

Ответа не услышала, его и не было, он не существует. Вопрос, к сожалению, из важного превратился в риторический. И каждый, измерив друг друга нехорошим взглядом, пошёл своей дорогой и с тех пор, молча, проходили мимо друг друга.

Дети долго сомневаются над советами родителей, а когда принимают их, как по насмешке судьбы, бывает слишком поздно. Но это не касается Милоун. Матушке её смерть оказалась не по зубам, не смотря на величайшую победу над совестью, потому её дочь сомневаться имела право...

Милоун медленно поднялась на ноги и смахнула с щёк румяных все слёзы, что не успели высохнуть. Сжала в пальцах ручку двери, что на ощупь похожа на гладкую кость, но долго стояла в тихом ступоре перед тем, как открыть её.

Победив сомнения и, в очередной раз, проиграв совести, она, всё же, решилась, и дверь распахнулась. Девушка выглянула на улицу, чтобы вернуть Кюну, чтобы извиниться за

все сказанные, злые слова и вместе с ней решить, что делать дальше. Но кареглазой блондинки уже нигде не видно. Она уже ушла, она уже бежала к другому человеку – к тому единственному, на кого могла положиться, потому вспышка совести, что покорила сердечко Милоун, оказалась пропитанной бесполезностью.

Дверь закрылась, щёлкнув замком, и в доме снова стало пусто без сквозняка. Милоун прижалась лбом к постаревшей двери, и ни о чём не желала думать, кроме этой тишины, что сковала все её прежние мысли. Даже начала проваливаться в сон от внезапно подступившей слабости, но ещё миг, ещё одно мгновение, и ей всю ночь пятницы тринадцатого будет не до сна.

«Тук, тук, тук.» – постучал кто-то в дверь, и Милоун затаила дыхание. Страх не успел прийти, и она толкнула дверь ладонью, а за ней никого.

Холодок пробежал по спине, страх пришёл за ним следом. «Тук, тук, тук.» – вновь услышала она за дверью, и страх её пытается стать жутким! Такое чувство у неё, что кто-то за дверью этой незнакомой решил поиграть с ней, но такие игры девушке не нравятся. Она не мышка, чтобы с нею так играть.

Милоун закричала, как безумная, и распахнула настежь дверь, но вновь всё напрасно, даже её крик, ведь за дверью снова никого. Однако, захлопнуть её не спешила. Чего-то ждала, и что-то пришло.

За спиной послышалась журчащая мелодия. Она была такой красивой, такой нежной, словно соткана любовью. Ноты переливались друг с другом, ноты гипнотизировали. Первое ощущение, что это музыкальная шкатулка, но подобных нот нет ни в одной, что попадались в её руки. Да и всё в этой мелодии ей было незнакомо.

Милоун боялась обернуться, а ладони становились мокрыми. Позади неё не только божественная музыка, позади неё скрип шагов и тяжёлое дыхание, и они не предвещали ничего хорошего, не смотря на свой красивый выход.

Выбор есть всегда, и у неё был выбор: либо обернуться и посмотреть страху в лицо, либо бежать со всех ног, не оборачиваясь. Милоун была уверена, что один из вариантов спасёт ей жизнь, а другой погубит.

Времени на раздумья не было, и она выбрала – не на удачу, а на интерес. Любопытство часто берёт верх, даже над высокими чувствами. Закрыла дверь и резко обернулась, и сразу поняла, что допустила величайшую ошибку.

Перед ней предстал второй демон, что нашёл дорогу в их Рай, и не был он похож на того предыдущего, потому что совсем был не похож на человека...

Ноги не слушались и цеплялись за всё, что было способно их остановить. Мешали и кочки, и кустарники, и корни де-

ревьев, что решили жить на свежем воздухе. Особенно, мешала темнота. Ноги не желали добежать, а руки в этот миг были бессильны, в них не было никакого прока.

Мысли путались и сбивали с толка, но старались прокричать своё. «Быть может, Милоун права. Если рассказать всем правду о создании Райского города, то появится шанс его спасти! Однако, это страшно – поведать людям то, какую цену пришлось заплатить и чем пожертвовать, чтобы Рай сам пришёл к ним, и не было надобности его искать по всем горизонтам! Но, если не поделиться правдой, не будет ли страшнее?! Нет, я не могу! Я не могу подставить прадеда, всю свою семью и весь наш Род, который мне не будет за это благодарен! Не могу! Не могу! Не могу!» ...

Правда бывает разной. Одну ты можешь поведать далёкому, а не близкому, другую расскажешь лишь близкому, а не далёкому. Но есть такая правда, о которой лучше вечность молчать, и о ней слов не промолвишь никому, потому что уверен, что ничего хорошего она не принесёт – именно такую правду и хранил её прадед, именно такую правду и разделил со своим единственным, близким человеком.

Но любая правда, рано или поздно, находит свой особенный и несравненный мотив, чтобы всплыть на поверхность. Главное, желание того, кто ею владеет.

Прадед скрыл её и от детей своих, и от внуков, и, возможно, этим их и погубил. Однако, Кюна верила в его праведность и покаяние, и мчалась со всех ног к нему, чтобы рас-

сказать свою правду о сегодняшнем дне, чтобы поведать ему всё, что они натворили. Верила она, что только он способен их спасти от демона, что никому из Райского города это не по силам.

"Если бы он мог остановить пустыню, то давно бы это сделал!" – всю жизнь была уверена она. Сейчас же, для неё новая опасность была страшнее любой пустыни, ибо демонам не место в Раю!

Кюна не верила демону пятницы. Не верила она, что он так щедро дарит шансы на спасение! Её мысли кричали ей: «Этого не может быть! Какую помощь стоит ждать от демона? Вспомни, что рассказала о нём Милоун! Он единственный, кому удалось править миром пропавших мёртвых, но он бросил его и не вернулся! Для чего, Кюна? Для чего? Конечно же, для того, чтобы найти путь в мир живых и править им! И вы сами предоставили ему эту возможность!» ...

Больше часа она бежала по извилистым, неровным дорогам. Доверилась ногам, ведь в Раю нет извозчиков, здесь всё нужно самим. Подгоняемая паранойей, она не сокращала свой путь по центральным улицам, а мчалась по окраине, нарезая приличный круг. Ей мерещилось, что кто-то за ней гнался, потому так часто оборачивалась, но никого позади так и не заметила.

Вдоль окраины постелен густой лес, состоящий из всех видов деревьев – от хвойных до экзотических. Контраст потрясающий. Лес не казался пропитанным зеленью, ведь

среди листвы слишком много цветов. Лес и днём, и ночью был красивым, но Кюне не до красоты.

В этих местах можно встретить лишь редкие дома особенных людей, променявших лёгкую суету на тяжёлое одиночество. Здешние люди ещё не могли знать о том, что натворили три девицы, поэтому их встретить было не опасно.

Кюна запыхалась и вспотела, лёгкие хрипели, колот правый бок, ведь ни разу она за этот час не остановилась. Осталось совсем чуть-чуть, пару минуточек быстрого бега, и она будет в безопасности, ведь прадед никому не даст её в обиду.

Так думала наивная девчонка, но, подбежав к старому дому, в неё прокралось нехорошее предчувствие и не пожелало отступить. Шаги промокли осторожностью, хоть и не знали, для чего.

Свет в доме был погашен, хотя вечер не поздний. Рано ещё, чтобы спать старику, страдающему бессонницей. Этот маленький нюанс пытался заставить бежать, но у Кюны нет на это сил.

Её мысли старались всё объяснить, но, тут же, сами себя опровергали: «Может быть, он на празднике, как гость почётный? Нет, он никогда не любил их и никогда не ходил на дни рождения Рауда – не он их придумал, а жители города. Но, может быть, на столетие города сделал исключение? Нет, создавать исключения – это не про него! Если нет, то нет; если да, то да! Таков мой прадед!».

Взгляд Кюны нырнул в сторону, и глаза заметили в ста шагах от себя чей-то электрокар. Окутан мраком он и сложно распознать, чья эта машина.

Присмотрелась внимательней, и ей показалось, что за рулём был до боли знакомый, женский образ. Глаза того образа смотрели на неё, а губы шевелились, пытаясь что-то подсказать. Увидеть это невозможно, но губы пытались сказать ей: «Беги!».

Мурашки пробежались по позвоночнику, но Кюна не послушала чужие губы. Вместо этого, бросилась к двери родного дома, всё ещё надеясь, что прадед там, что он её спасёт. В два шага пересекла шикарную веранду и повернула ручку двери, но дверь оказалась запертой – то ли изнутри, то ли снаружи.

В этот момент она сдалась и услышала справа от себя скрип кресла-качалки её прадеда, и почувствовала незнакомый, неприятный запах.

– Дедушка? – дрожащим голосом спросила она, а сердце рвалось из груди. – Это ты?

– Нет, это не я! – ответил кто-то из темноты и украсил её широкой улыбкой.

Вспышка салатového цвета, что была похожа на звезду такую близкую ударила в глаза и ослепила разум. Мысли Кюны куда-то уплывали, её чувства растворялись на глазах, дыхание меркло, а лёгкое, нежное тело красиво падало на деревянный пол веранды...

Милоун не закричала от увиденного, но бежать от него со всех ног, всё же, ей желалось. Однако, дверь не поддавалась, была заперта снаружи. "Есть кто-то третий или это всё он?». – думала она и шарила по демону взглядом.

Метнулась к стене, где стоял невысокий шкаф. Открыла верхний ящик, и чёрный пистолет уже дрожал в красивых пальцах и был направлен в лицо ошалевшего демона. Пистолет всегда был заряжен, и ей оставалось лишь снять с предохранителя.

Существо стояло в трёх метрах от Милоун и с любопытством глядело на неё своими острыми глазами, и в очах его непонимание. "За что она хочет меня убить?! Неужели, она знает, что я сделал?!»

–Что ты такое? – закричала она ему в глаза, а рука, как на зло дрожала так, как будто пыталась выронить пистолет.

–Я не «что», ведь я живое существо. – удивил приятным голосом её и отправил в ступор, а затем заулыбался ей искренне совсем не гнилыми зубами.

Ростом он был под два метра или, даже выше, облачён в серую, дырявую мантию с капюшоном. Его лицо не было сожжённым – оно было прогнившим, а из впалых щёк падали на пол черви. Его руки и босые ноги, что выглядывали из-под мантии, были подобны его лицу. Но самое страшное, что

было в нём, он ей ещё не показал. Она ещё к этому не готова.

Весь его образ был до жути неприятен и складывалось впечатление, что на него лучше не смотреть и не видеть, а глаза его чистые, насыщенные, то ли, как у сокола, то ли, как у человека. Они такие же зелёные, как и у Милоун, но только темнее. В них больше красок, но у Милоун вся жизнь впереди.

Сейчас его глаза смотрят только на пистолет, а губы над девчонкой молодой смеются. Но всего секунда, и лицо стало серьёзным, и он порезал Милоун своим словом, как бритвой:

– Мне нужен один выстрел, чтобы попасть тебе в душу! А сколько нужно тебе, чтобы не промахнуться?

Лишь секунду подумала и ответила:

– Два...

И страх покинул её тело, а демон очень был ответу удивлён. Желал ей похвалу свою вручить и аплодировать, но вместо этого промолвил ей:

– Стреляй!

Но девушка не решалась, уже вбив в голову себе, что не сработает – лишь вызовет гнев в этом безобразном существе, а затем он разорвёт её на куски и останки ногами растопчет. "Демон есть демон. От него не жду я благосклонности...».

– Я тебе ничего за это не сделаю! Мне самому любопытно, что будет...

– Любопытно? – удивилась она и лицо скривилось от непонимания, а её длинные пальцы, не дождавшись ответа, два

раза нажали на курок.

Руки девушки в момент выстрела не дрогнули, она была готова убить его! Она была безукоризненно готова! Обе пули пошли красиво по одной траектории, вонзила себя в лоб и застряла в стене, оставив одно единственное отверстие.

Демон оглянулся, оценил работу мастера. Уже не терпится ему её хвалить, но снова не судьба, язык-предатель говорит ей, улыбаясь:

– Да ты окулист.

Быть может, это похвала, раз она ему впервые улыбнулась.

– Я, просто, не понимаю. – продолжил он свои слова, вспомнив её первую реакцию на него. – Зачем так реагировать, как будто я хочу тебя убить?! Что за паника?! Если я демон, это не значит, что я всем, кого не встречу, желаю гибели?! Кому-то, ведь, желаем мы добра. Не знала, что так бывает? Вот ты, например. Ты прекрасно стреляешь, да и человек ты сильный, неплохой. Зачем мне желать тебе зла? Для чего? И, поверь, у многих демонов такая же философия, не все сошли с ума...

– Как твоё имя? – спросила Милоун, медленно опуская пистолет, и сладость её голоса смешалась с любопытством.

– У меня нет имени. – ответил он спокойно. – Я демон ревности, а отсутствие имени наделило меня свободой для творчества.

– Ревности, говоришь? – нервно улыбнулась она. – Значит, ты мне не страшен – я ревнивая до ужаса!

– Думаешь, не страшен? – улыбнулся он ей словом. – Я бы не стал так считать!

– Меня не напугать, – вновь осмелела девушка. – Весь город желает мне смерти, а, значит, она ко мне придёт!

– Смерть – это не самое страшное, что может ждать человека, Милоун...

– Откуда знаешь моё имя?

– Я много знаю о тебе, и, мало того, вижу тебя не впервые. – ответил он загадочно, чем зачал в её голове ещё больше вопросов.

Демон ревности достал из-за пазухи небольшую, деревянную шкатулку, и Милоун напряглась, сжав в руке пистолет, хоть и понимала, что он ей не помощник в дуэли с демоном ревности. Что-то в этой шкатулке заставило её сердечко сжаться и несколько мгновений не стучать.

– Что это? – не стерпела она немного напряжения, что создал демон ревности одним движением руки.

– Тебе лучше не знать, – коротко ответил он, но заметив её тревожный взгляд, добавил. – Не бойся, это не для тебя...

Демон ревности крутил шкатулку в руках и вышагивал по её дому, разглядывая белые стены и качая гнилой головой, на которой не осталось ни волос, ни лысины. Остановил шаги у двери и уставился на ручку, размышляя над тем, какому веку принадлежит это искусство.

Возможно, искусство вовсе и не зависит от времени, но оно это ещё не доказало, хоть все вокруг твердят, что всё

впереди. И не оспорить ведь.

Он посмотрел на небо и не удивился, что нет крыши, ведь и сам слышал, как прогремел взрыв, и даже любопытно не было, почему вернул лишь стены. «Ему не нужен потолок или ей?!» – размышлял он над поступком Триума.

–Это сделал демон пятницы. – пояснила Милоун, за что сразу же получила презрительный взгляд.

–Вы, люди, такие странные, и у вас такие странные глаза! Такое чувство, что они вам внушают иллюзию, а не действительность. То, что ты видишь, это не рук великого демона пятницы.

–Великого? – не поверила она его восхищению. – Ты что, его слуга?

Этот вопрос задел, но демон не подал вида.

–Разрушение твоего дома это маленькая цена за спасение всего вашего мира!

–От пустыни?

–Нет, – ухмыльнулся он в ответ. – От тех, кто тоже был не против попробовать ваш мир на вкус, но я захлопнул двери перед носом и никогда об этом не буду жалеть. Думаю, вам нас двоих будет по горло.

Милоун на секунду представила, как десяток таких же, как он, врываются в их мир и творят с ним, что пожелают, и ей стало не по себе. Лишь сейчас осознала, насколько глобальной оказалась её глупость, и насколько великими способны быть последствия. Настолько, что история мира дрог-

нет и падёт пред новым покорителем.

Девушка молчала, ей нечего было ответить демону. Сказать, что она сейчас была разбита – ничего не сказать. Она была не разбита, а покалечена полностью, и её совесть торжествовала. Милоун хотелось лишь одного – исчезнуть из этого мира навсегда и не портить его больше своим существованием.

Демон ревности никуда не спешил, уходить ещё не соби-рался. Он спокойно слушал её мысли а, значит, ему что-то нужно от неё. Только, чем могущественному демону ревности может пригодиться обычная, смертная девушка? Для чего она ему? Вряд ли, он тот, кто нуждается в чьей-то компании.

–Ты сказала, что весь город хочет убить тебя... – нарушил он тишину.

–Так и есть. – подтвердила она.

–Значит, весь город тебе враг?

Вопрос, явно, был с подвохом, и Милоун, сразу же, оторвала от пола свои зелёные глаза и взглянула на демона ревности и растерянно, и восхитительно.

–Я не знаю. – неуверенно ответила она. – Возможно, кто-то и смог бы со мною подружиться.

–Мы легко можем это проверить...

Он был загадочен в своих словах, и это волновало. Глаза в глаза, но не понять, что в голове его. Перед ней закрытая книга, да к тому же, нет в ней завершения. «Что ответить

ему? Такому сильному и незнакомому?».

–Мы? – спросила она тихо и переварила в голове то, что он ей предлагает.

"Союз с демоном ревности? Что хорошего он может принести? Этот союз ей казался, даже страшнее вражды с демоном пятницы, но, если отказаться, что ждать от него? Смерть или что-то похуже?".

–Мы! – ответил он играючи, вновь прочитав все мысли, что пролетели в её ясной голове.

Выбор и был, и не был. Возможно, кто-то выбрал бы смерть, но Милоун накинула чёрную, кожаную куртку на тонкие плечи, погрузила в неё пистолет, обулась поудобнее и приготовилась идти за ним, куда бы путь свой не направил.

–Что же ты задумал? – спросила она запоздало, когда уже собралась, и он на это ей бестактно улыбнулся.

–Одержат победу. – ответил демон, как есть, но уклончиво, не удовлетворив тем самым её интерес.

–У каждого демона своя роль в вашем мире. – осторожно продолжила она своё любопытство, подойдя к нему ближе на пару шагов. – Какова же роль демона ревности?

–Всё просто, – усмехнулся он. – Убивать верность, отравлять любовь!

Его ответ был далёк от искренности, но заставил Милоун сделать шаг назад. Её глаза расширились, зрачки распахнулись, а разуму желалось всё узнать.

–И ты именно это желаешь сделать?

–Нет. Я лишь назвал свою роль, но это не значит, что я намерен в неё играть. – промолвил он без улыбки на лице и снова родилось в ней тысяча вопросов, глобальным стал интерес.

–Как же ты жил, когда был человеком? – тихо спросила она, задумавшись над тем, как же умудрился он стать демоном ревности.

–Показать? – удивил её важным вопросом, и лицо её мгновенно засияло от зловещего предвкушения, ведь всегда мечтала посмотреть чужую жизнь. две секунды на раздумья, и в ответ важное:

–Да!

Демон ревности извлёк из кармана кусок разбитого зеркала размером с ладонь и протянул его Милоун.

–Загляни. – промолвил он. – И жизнь твоя изменится...

–

Путь демона. Эпизод первый. Братья не по разуму. 11-12ые века.

Один шаг, ведь, от Бога до дьявола. «Всё не так!» – кто-то хочет сказать, что в их жизни так много растаяло, потерялось, забылось, состарилось, а потом лишь пришлось выбирать. Но не все правду молвят искусную, кто-то здесь непременно солжёт. Кто сказал: «Не понять душу русскую!», уже

завтра, возможно, поймёт...

Эта история родилась тысячу лет назад. Но не ровно, а чуть больше. Путь начался с рождения, как и у всего, что есть на белом свете. На свет появились два брата. Они двойняшки, но пока росли, и время жизнью баловало, стали настолько разными, что каждый бы поставил на то, что вместе не слепят они ничего интересного. И каждый в своей ставке проиграл, потому что ставить на судьбу это болото.

Мирослав и Велемир – два брата, что были единым целым, и это не просто слова. Каждый день слово подтверждалось делом, и не было дня, когда этого не случалось. В их век это редкость, как и во все предыдущие, как и во все последующие века.

Им не сказали, кто из них родился первым – родители слишком рано оставили в покое мир живых в тот беспокойный одиннадцатый век. Воспитывались тёткой, но и та долго не протянула.

Не было единства в те времена. Враги, когда желали, тогда и нападали и в тринадцать лет два брата уже были сами по себе, но с выживанием до сей поры справлялись. Спасло их то, что были вместе, и вместе никому не доверяли – даже тем, кто протягивал им еду.

Велемир всегда был выше ростом своего брата, всегда сильнее и наделён был грубой красотой. Владел силой льва и духом охотника. Волосы кудрявы и светлы, доросли до плеч; брови чёрные, скулы мощные, глаза в детстве были

голубыми, дотягивались до небес, а, ощутив свободу, стали тёмно-карими.

Тогда и начались эти взгляды людей, что заставляли его лучше видеть свои желания. Они смотрели на него так заочно и зачарованно, как будто к ним спустился с облаков и жаждет принести им что-то. А он от этих взглядов отворачивался и уходил, волоча свою мечту по пустым дорогам, заброшенным полям, следуя за своим братом. Кто-то восхищался им и говорил, что он был послан Богом, а кто-то тихо молвил лишь наедине, что в очах его поселились демоны. Не должно быть в глазах такой глубины, но Велемир в ответ дарил только бездонную улыбку, а, уходя, смеялся.

Он мечтал, он много мечтал, и мечта настолько стала широка, что не помещается в душе и просится на волю, хоть сердцем чуял, что ещё не время. Ради мечты своей готов он цепи рвать и быть хоть цербером, но явно не сегодня...

Его брат Мирослав был другим. Одарён был бескрайним умом и бесценной мудростью. Глаза зелены, как яркая листва, а тёмно-русые волосы не славились длиной и ухоженностью. Был ниже ростом и телом своим худ, и не был он сильнее Велемира, но в бою не удержим, да и каждое сражение мог продумать он. Но, не смотря на все эти таланты, он не мечтал также глобально, как Велемир, и восхищался своим братом, чьи мысли так далеки от самолюбования. Мирослав мечтал лишь о том, что было бы разбогатеть, построить себе дом подальше от этих мест, помочь кому-нибудь, встре-

тить любовь и старость. И это был его максимум, не смотря на величайший ум. Но вместе они были несокрушимой силой! Их не сломили ни бедность, ни голод, ни болезни, ни жалкое существование, и, казалось, ничто не способно их сломить...

В детстве любимым занятием Велемира было закрывать один глаз рукой и смотреть на людей, словно бы выглядывая из-под стены. Мирослав смеялся над этим, считая ребячеством. Был уверен, что так он видит мир лишь на половину, а, значит, искажённо, значит, неправильно, но ошибался Мирослав. Велемир держал всех людей под прицелом и видел все их слабые места, пока его брат примерял на себя невидимую корону.

Любимым занятием Мирослава было продумывать ходы. Вложил свой дар в искусство воровства и с детства грабил так, что ещё ни разу не был пойман, хоть были те, кто мог его поймать. Даже брат сначала не ведал, откуда у того появляются деньги, почему каждый день они вдвоём наслаждаются едой, а не объедками.

«Я открыл секрет, но только на один раз!» – отвечал любимой фразой Мирослав. Молния не бьёт два раза в одну точку, как и идея, потому и бежали всю жизнь, но несколько лет назад остановились там, где в них нуждались и ещё не покидали этих мест...

Жили в небольшой деревушке, днём охотились на живность, ночью на людей. И это не шутка. Охотились на тех,

кто служил местному царю – сначала убивали, потом грабили, затем сдували все следы, и всё это под носом у царя. Половину добычи брали себе, половину тем, кто с ними шёл на дело. Вся деревня знала, кому обязана в том, что изо дня в день не видит коварной улыбки голода. Никто не выдавал братьев, каждый в той деревне умел ценить добро! Им удалось быть незамеченными и ненайденными, благодаря задумкам Мирослава и силе Велемира. Не оставляли ни единого шанса противникам, и ничто не могло привести царя в их уютное пристанище.

С другой стороны, если бы царю были так важны те гроши, что они воровали у него, он бы давно нашёл братьев, и никакая хитрость их не спасла! Но у него свои цели – более великие, чем деньги и сокровища. Он не желал быть, просто, царём, он хочет всё, потому до мелочей нет дела...

Всё бы так и шло своим чередом, и перемены не наступили бы на пятки, но, однажды, к братьям прилетела весть от их надёжного источника. В письме было написано, что завтра вечером по замкнутому лесу проедет обоз, в котором три сундука с золотом и драгоценными камнями. Сокровищ там столько, что оба брата, да и вся деревня будут безбедно существовать десятилетиями! Только вот, охраняют сокровища ни один десяток воинов, и нужно очень постараться, чтобы вырваться из их лап живыми и незамеченными. Такова суть всех строк, что поместились на длинной странице.

–Что будем делать? – спросил озадачено Велемир, ведь

затея казалась рискованной.

– Не всю же жизнь нам грабить и убивать. – тихо ответил Мирослав. – Совершим это завтра и завяжем с грабежами, насладимся сполна жизнью, которой мы достойны!

– Но, ведь, мы можем и вовсе лишиться жизни, раз это настолько ценный груз! – отставив свою тревогу сильный.

– Доверься мне, брат! – воскликнул умный, и его очи засияли. – Мы с тобой доживём до старости и расскажем нашим внукам, какими мы были, чтобы кем-то стать. И наши потомки не будут, как мы, они будут лучше! Но для этого о них уже сейчас надо заботиться...

– Дай Бог! – с сомнением ответил Велемир и добавил. – Ты, ведь, хочешь покинуть наш дом?

– Да.

– Я никуда не уеду, когда разбогатею. Не из тех я, кто легко может забыть, как живёт мой народ, когда сам добился чего-то.

– А как живёт наш народ?

– Не очень.

– Это всё, что можешь сказать?

– Плохо живёт наш народ! – огрызнулся Велемир.

– Тогда наши пути, возможно, скоро разойдутся.

– Надеюсь, что нет.

– Помнишь, ты спрашивал меня: для чего я держу в яме сотни ядовитых змей? – перевёл он тему, чтобы лишний раз не ранить себя.

–И для чего же?

–Для такого случая и хранил их, – хитро улыбнулся Мирослав и ушёл в одиночестве думать о завтрашнем дне...

На следующий день Велемир проснулся раньше всех, накинул покрывало на себя и вышел из дома подышать свежестью. На улице было мокро и зябко, повсюду туман. Какой-то странный, босой старик стоял в пяти шагах от Велемира и чего-то ждал или кого-то, и, судя по чертам лица, желал он совершить добро.

–Ты что здесь потерял, старый? – не вежлив был разбойник.

–С тобой пришёл поговорить. – промолвил тот, ответом удивив.

–А кто ты?

–Моё имя Благой.

–Ни о чём не говорит...

–А ты глубже смотри. – надавил старик.

–Что тебе нужно? – яростно спросил охотник, глядя в серые глаза Благого старика.

–Хочу помочь тебе.

–В чём?

–В воплощении твоей огромной мечты. – выдохнул тот, и по лицу его разлилось несравненное счастье...

И старик рассказал ему про могущественную семечку, которой по силам любая мечта, способная зайти в мысли человека. Поведал и про пятницу тринадцатого, без которой

никак не обойтись, но Велемир был суеверен, счёл старика и демоном, и колдуном. Прогнал его с порога дома, даже не спросив, как тот этот порог нашёл, и в здравом духе отправился на дело...

Ещё до рассвета они вышли из деревни. С ними рискнуло пойти всего тринадцать человек, но Мирослава численность отряда не тревожила. У каждого были лук и по два десятка стрел. Восемь человек, трясясь от страха, несли четыре уже снаряжённые катапульти, обмотанные мешковиной.

– Зачем так много катапульти? – не понимал Велемир. – Нас всего ничего.

– Надёжность нашего источника в любой момент имеет право пошатнуться, – спокойно ответил ему брат. – Сомневаюсь, что сундук с золотом охраняют пара десятков солдат. Нас, видимо, хотят убить, мой брат, поэтому нам нужен один выстрел...

Уже к полудню тринадцать бедняков ждали в засаде, а двое ушли на разведку. Мирослав оказался прав, когда пожелал устроить засаду раньше срока, потому что добыча вечера не ждёт. Не неслись, сломя голову, порадовать своего повелителя приятной глазу добычей, шли, не спеша, но, в силу обстоятельств, поспедали раньше срока.

– Они уже рядом! – зашептал прибежавший разведчик. – Через двенадцать минут пройдут мимо нас.

– Отлично, – спокойно ответил Мирослав.

– Их сто человек, – дрожа от страха, поведал прибывший.

– Мне не важно, сколько их! Мне важна их расстановка!

Мирослав был твёрд, а в душу Велемира прокрались большие сомнения. Встретить смерть сегодня не хотелось, да и все, кто здесь собрался, не ради славной смерти с ними шёл. Перед глазами маячил этот старик, предлагавший могущество, а голос в голове твердил: «Зачем не взял? Ведь принесли на блюде.».

– Шесть всадников, за ними сорок пеших, затем два всадника, обоз, снова два всадника, ещё сорок пеших и шесть всадников в хвосте.

– Прекрасно, – вспыхнул Мирослав, увидев всю скупость мысли того, кто расставлял солдат, хотя никто его мнения не разделил. – Итого: девяносто шесть человек.

– Брат, ты уверен, что стоит сражаться с сотней? – начал с сомнением Велемир, но Мирослав и слушать не хотел!

– Лучники, бейте только по всадникам, – отдал он приказ. – Только по ним! Уйти никто не должен. Один уйдёт – нам всем конец! Две катапульты на первый пеший отряд, две на второй. Бейте одновременно по моей команде. Как только убьёте всадников, стреляйте в тех, кто не поддаётся панике – их разглядеть легко. Затем добьём остальных.

Разведчик показал Мирославу точное расстояние между отрядами, и катапульты были установлены. Затем все заняли свои места, и, лишь после этого Мирослав ответил Велемиру, хлопнув того по плечу и приобняв слегка:

– Не бойся, брат! Я верю в то, что делаю! Когда-нибудь и

ты будешь наделён моим чутьём, моим талантом, но сегодня я устраиваю бал. Через десять минут будешь смеяться над тем, какой была лёгкой победа, а завтра утром проснёшься королём...

Отряд приближался, а стук пятнадцати сердец бил в голове отчётливей. Лишь Мирослав даже под бешенство сердца был хладнокровен, считал в голове секунды и улыбался приближению неминуемости.

Когда секунды закончились, и вражеский отряд был напротив диверсантов, Мирослав взмахнул рукой и, отдав свой приказ, улыбался.

Сотни голодных, разъярённых змей вылетели из четырёх катапульта и пали смертельным дождём на два отряда. Их нападение оказалось стремительным и эффективным – оба отряда были пропитаны паникой, большинство покусаны и корчились на земле.

Пока оставшиеся в живых воины пришли в себя, все всадники лежали на земле со стрелами в груди. Люди Мирослава добились выживших из пешего отряда и осторожно вышли на дорогу.

Бой длился четыре минуты, ни один боец из отряда Мирослава не пострадал. Никому не пришлось вытаскивать свой меч из ножен, все враги убиты стрелами и змеями, что, почуввав свободу, уже расплзались по лесу.

«Царь хотел озолотить себя в который раз, но я вновь обвёл его вокруг пальца!», – злорадствовал в мыслях Миро-

слав, уверенно подходя к обозу. Дурачить врага это, как дышать без горечи. Смахнул рукою занавес и заглянул в него, и на лице, сразу же, объявились удивление и непонимание увиденного.

Велемиру стало любопытно, что же он увидел, раз таким стало его лицо. Не роняя слов, подошёл к своему брату, и заглянул в обоз. Сердце Велемира запылало от увиденного, а по душе рассыпалось тепло. Затем перевёл взгляд на брата и заметил, что тот испытывает то же самое, что и он.

В обозе сидела пленённая княжна или, быть может, принцесса далёкой страны, судя по её богатым и необычным одежаниям. Волосы густые и чёрные, глаза карие, большие и выразительные, загорелое лицо и бархатные губы, а её нежные руки были связаны и умоляли их освободить.

Золота в обозе не было – ни монеты, ни камешка. Только, она, но единственная и неповторимая.

Её имя Африн. Девушка, и правда, оказалась принцессой далёкой, южной страны. Она была похищена во время захвата её родного города и стала трофеем для царя. По сути, у неё больше не было дома, и идти ей не куда. Всё это она рассказала по дороге в деревню. Мирослав настоял, чтобы она пошла с ними, хоть и понимал, что рискует всеми, кого знает. Велемир не стал возражать, ведь в нём принцесса вызвала те же чувства, что и в его брате, но брата он любил сильнее и был готов уступить ему эту необыкновенную девушку. Тем более, этот бой за сокровища выиграл не он, а Мирослав...

Первое время они прятали принцессу, боясь, что царь будет искать её, но глаза князя так и не узрели её красоты, поэтому поиски не начинались. Князю было интересней, кто так мастерски разделался с сотней его солдат, а судьба принцессы его мало волновала, считая, что, скорее всего, она уже мертва.

Принцесса была умна, знала толк в науках и владела их родным языком, но Мирослав научил её им пользоваться так, чтобы никто не смог отличить, что она с других берегов. Мирослав полюбил её сразу же, как только услышал её незнакомый, бархатистый акцент, но принцесса его не любила, хоть и разделяла с ним тёплое ложе, хоть и встречала его с охоты холодными, осенними вечерами.

Мирославу часто приходилось ловить её взгляды, направленные в очи Велемира. Во взгляде её царила влюбленность и восхищение. «О, как она смотрит в него!», – думал он, грызя своё достоинство, и ревность возрождалась в нём, и ревность размножалась, процветала. Но, не смотря на этот губительный яд, Мирослав не разлюбил своего брата и не винил того в своей глупой ревности.

С каждым днём он желал дарить ей больше и больше, ведь она принцесса, ведь она княжна. Всё чаще он ходил охотиться на золото, всё чаще пропадал и отдалялся. Он считал, что жертвует их временем, ради любви, но не понимал, что жертвенность далека от благодеяния. С нею перебарщивать нельзя. Тем более, когда тебя не любят, и ревность всё плодится

и плодится, ослабляя хватку и чутьё!

Велемир наблюдал, как принцесса губит его брата, но ничего поделать с этим не посмел, ведь сам любил её. Это чувство выгрызало огромные куски из его совести, не давало спокойно дышать.

Он воспринимал своё знание, как предательство. «Может быть, дворняга не пара королеве? И несчастной она будет и со мною, и с ним!» – однажды, думал он, лёжа в кровати, полуголый, полу-босой.

Одновременно с этой мыслью в дом его вошла принцесса. Остановилась в двух шагах и страстно заглянула в его очи, и долго-долго утопала в них.

Два шага до его объятий, и её ладонь коснулась до щеки и заскользила по мягкой, гладкой коже. Она жадно впилась в алые уста, словно всю свою жизнь о них лишь мечтала. Велемир растерялся, не знал, что ему делать, а она лишь мягко улыбнулась, когда с поцелуем было покончено, развернулась и ушла...

В эту же ночь они охотились с братом на очередную монетку, хотя Велемир просил отложить это на потом, ведь чёрный ворон летал над их деревней, а это сулит о потерях, о слезах, о страданиях. Верил Велемир во все приметы.

Брат не послушал, и устроили они необдуманную засаду. Разум Мирослава уже не был прохладен, чтобы всё на свете посчитать. Он растерял хватку и не мог планировать нападения так, как делал это раньше. Их атака получилась нелепой,

и они отхватили отпор – да такой, что век не забыть.

Все погибли, кто с ними пошёл на охоту. Их бой за выживание окончен. Мирослав же спас своего брата, прикрыв того грудью, приняв на себя три стрелы.

Велемир убежал с поля боя, неся раненого брата на руках, а тот всю дорогу просил его остановиться.

– Меня не спасти, остановись! Мне нужно кое-что тебе сказать! – прохрипел он, и Велемир повиновался.

– Я спасу тебя, брат! – закричал тот отчаянно, хоть не верил он в эти слова.

– Нет! Я чувствую, что умираю! – с улыбкой возразил Мирослав, и слова полились ручьём. – Мы любим разных Богов. Я люблю Ярило, а ты другого Бога. Ты мне брат, а не спаситель! Я чувствую, что умираю и хочу, чтобы вся моя мудрость и всё, что есть в моей тёмной голове, досталось тебе. Я прошу сейчас об этом своего Бога, и поверь, Велемир, он меня слышит, ведь я верю в него! Твоя мечта, моя брат – о, она так прекрасна! Я верю, что моя мудрость поможет тебе в её воплощении, а мне она уже ни к чему...

– Не умирай! – молил его сквозь слёзы. – Держись, прошу тебя! Мне без тебя не справиться, мне без тебя нет смысла жить!

– Я умираю, потому что сам так решил! А ты, мой братик, позаботься о нашей принцессе, пожалуйста! Она любит тебя, а не меня! И ты её любишь! Я, ведь, вижу, что любишь! Не бросай её, прошу! Не бросай её никогда!

–Я не могу...

–Пообещай мне, что ты её не бросишь! – прокричал он братику в лицо.

Велемир ответил не сразу. Не знал он по каким полям пойдёт его судьба. Шесть секунд ушло на то, чтобы обдумать жизнь и с трепетом сказать:

–Я обещаю!

Но Мирослав уже умер, его сердце прекратило свой бой на ладонях брата. И неизвестно, слышал ли он что-то через три секунды после смерти или нет...

Велемир выполнил последнюю просьбу брата, несмотря на то, что винил в его смерти её поцелуй. Он приютил её в своём доме уже на следующий день, наплевав на то, что скажут о нём люди, спустя месяц она разделяла с ним ложе...

Время шло, дни создавали недели, месяца сотворяли года, и Велемир становился другим. Неизвестная мудрость потайными путями пробиралась в голову, словно Бог его брата выполнил последнюю просьбу своего слуги.

Принцесса стала ему женой, но со временем так часто видела в нём Мирослава, что любовь желала погаснуть в её тёплых ладонях, чувства грозились пройти. Велемир же дарил ей и верность, и любовь, которые были так нужны друг другу – даже дышать не имели права по одиночке. Он сам так решил быть верным ей полностью, и ни разу в своём решении не усомнился!

Ради любви он пожертвовал своей охотой на золото, а дру-

гие брали с него пример и научились добывать еду иначе.

В лесах стало скучно и безопасно. Этого не мог не заметить царь. Если раньше он боялся выбираться из дворца без войска, то теперь смело рассекал по лесам с небольшим отрядом, посещал деревни и города, приветствуя народ своим высокомерным взглядом и величественными взмахами руки.

В деревню Велемира он нагрянул, когда в дворах стоял ноябрь, но был приятный, солнечный денёк и вечерело.

Шёл по главной улице, вёл за собою коня и позади семь приближённых, что сотканы преданностью. Гордо глядел на нищих людей, радуясь своему превосходству, и наслаждался он поклонами, и пребывал он в повседневной эйфории, пока не наткнулся взглядом на принцессу.

Она была единственной, кто ему не поклонился. И это не злило его, это радовало. Это восхищало. И во взгляде её нет ни вызова, ни придуманной ненависти. В её очах игра, в её очах манящая улыбка. Она видела в нём будущего императора, она почувствовала, что предначертана ему судьбой.

Через года иначе он посмотрит на весь нищий сброд! Увидит, наконец, что те на многое способны. Ему суждено править долго и праведно. Однажды, он станет мудрым правителем и подарит шанс всем беднякам. И именно взгляд принцессы – всем его грядущим поступкам вдохновение.

Царь сам пришёл в их дом двумя часами позже. Велемир был растерян, и в мыслях ощущение, что близко наказание

за все грехи. Принцесса же ждала правителя с вожделением, и счастье в сердечке кружилось, когда он к ней пришёл.

Вкушал с ними пищу за одним столом, шутил и пел с ними песни, словно он такой же, как они. Поглядывал на принцессу, как на самое вкусное блюдо, строил ей царские глазки, а Велемир ловил взгляд своей любимой женщины, посвящённый князю, и ревность, что была незнакома ему, проливалась на душу, как кровавые дожди, и начинала свой маршрут по уголочкам сердца. «О, как она на него смотрит!», – думал он и ненавидел князя, и ненавидел её взгляд.

–Хочешь, расскажу историю? – удивила принцесса обоих, обратившись к князю.

–Хочу! – ответил тот, и принцесса не медлила.

–Когда-то давно жил на Земле человек, и был он, всего лишь, нищим. Стены сыпется, а крыша протекает. Не отличался от себе подобных ничем, кроме того, что было у него два лица. Никто об этом не знал, ведь близким, друзьям и родным он показывал лишь одно лицо. Но тёмными ночами, когда никто не видел, он стягивал с себя первое лицо! Швырял плоть на грязную простынь и любовался тем лицом, что под первым. Оно было настолько прекрасным, что днями и ночами он мечтал показать его всему миру. Но как? Кто он такой, чтобы мир заметил его?

Принцесса остановила свою историю на несколько секунд и наградила тёплым взглядом двух мужчин. Один слева от неё, другой справа, а она к обоим тянет свои руки и продол-

жает хрупкие слова:

—Однажды, на охоте дикий зверь загнал его в ловушку. Зверь прыгнул на него, но был сражён копьём. Растерзать не успел, но не упустил возможность оставить глубокие раны на первом лице. Бросивший копьё был императором. Он подбежал к пареньку, взглянул на того и понял, что нет шансов. Тот истекал кровью, раны были слишком глубоки, и, казалось, что шансов на жизнь уже нет. Но произошло чудо — он стянул с себя первое лицо, а под ним второе, и нет на нём ни шрамов, ни капель крови. Император был настолько восхищён этим чудом, что рассказал об этом человеке всему народу. Народ возлюбил его, народ восхищался его вторым лицом и долгие годы дарил ослеплённые взгляды. Но в один пасмурный денёк императору пришла губительная мысль, и он спросил паренька: «Раз у тебя есть второе лицо, то, быть может, за ним прячется и третье?». Паренёк задумался на миг и решился попробовать. Неимоверных сил ему стоило снять с себя второе лицо, что было предназначено для всего мира. Когда, всё же, получилось, он повернулся своим третьим лицом к императору, и тот застыл от немого ужаса. Император хотел закричать, но не получилось. Его волосы поседели, а сердце остановилось и окончило свой бой от страха, что оказался сильнее жизни. Паренёк подошёл к зеркалу и увидел, что третье лицо было ужасным, безобразным, пропитанным гнилью! Это и было его истинное лицо, а истинное лицо нельзя показывать никому! Он попытался одеть второе

лицо, но оно рассыпалось в холодных пальцах. Тогда накинул капюшон и ушёл далеко-далеко, в те места, где вздыхают пустыни. Он больше не встречал людей, и люди его тоже с тех пор не видели...

История окончена, и ни Велемиру, ни царю не ясно, кому из них она посвящена. Царь почему-то поспешил покинуть их пристанище, а принцесса улыбалась ему в след своей загадочностью.

Так завершилась эта ночь, и страшное пролезть в неё пока не собиралось...

Рано утром, когда солнце ещё было сонным, Велемир проснулся, а жены рядом не оказалось. Сотни мыслей и домыслов ворвались в его голову и таранили своей тревогой, но все они были далеки от истины, но и истина была не так хороша.

Он вышел из дома и увидел вдалеке, на окраине деревни свою жену. Принцесса обнимала царя и целовала его губы на прощание, целовала, словно мёд – его уста. Видимо, решила, что ни одна душа её не заметит или же, наоборот, желала, чтобы Велемир это увидел.

Будущий демон ревности не побежал к ним, не стал рубить он князя яростным мечом. Что-то сдержало его прыть. Вернулся в дом, сел за стол и склонил свою голову, погрузив её в тяжёлое отчаяние.

Принцесса запорхнула в их дом, как ни в чём не бывало. Улыбалась и сияла она от счастья, ведь царь пообещал за ней

вернуться. От вида счастья на её лице Велемиру лишь больнее, а его ревность была готова разорвать на куски остатки любви, что ещё колыхались в обоих сердцах.

–Когда ты поцеловала меня в первый раз, – начал он гневным, но спокойным голосом, – в этот день погиб мой брат! Сейчас ты целовала царя, и кто на этот раз погибнет? Он или я? Или всю деревню сожгут из-за твоей похоти?

В словах смертельный яд, под жуткий рёв души он кулачищем стукнул по столу, и стол под силой его рухнул. Но принцесса молчала и Велемир продолжал, уже стоя на ногах, уже глядя в её бессовестные очи:

–Ты не заслуживала ни его верности, ни моей! Как ты могла так с нами? И, главное, за что? Что мы сделали не так?

–А за что вы так со мной? – ответила она, и в голосе её дрожали ноты гнева. – Я должна была стать женой этому царю, ему суждено было стать императором! Лишь вчера я поняла своё предназначение, а вы с братом украли мою жизнь, и никто из вас не спросил, хочу ли я жить в вашем, таком скудном мире! Все эти годы я была вам пленницей!

В словах её ложь перемешалась с правдой, и без тоски на это лучше не смотреть. А он глядел пристально в её карие очи, в которых злость и ненависть, а чудилось ему, что очи её улыбаются, смеются над ним и над его глупой верностью. Ревность ослепляла, сковывала взгляд.

–И что? Мы заслужили смерти? – ответил ей он.

Она молчала, и молчание убивало лишь сильнее, кромса-

ло его душу на куски. Велемир не выдержал адской боли души. Он заревел и совершил рывок, и толкнул её со всей своей богатырской силы.

Принцесса отлетела, как кукла безвольная, ударилась головой о дверь и потеряла сознание...

Очнулась через час, но, придя в себя, она больше не видела яркости нашего мира, была полностью и бесповоротно лишена зрения, и тогда её голос прорезался истинным светом. Она кричала и плакала, что никому, теперь, не будет нужна. Обзывала Велемира жестокими и гнусными словами, шипела о том, как сильно его ненавидит, проклинала его жизнь, желала, чтоб много веков страдал он из-за своей ревности!

Велемир с грустью смотрел на всё это, сожалея о содеянном, но с каждым её словом разочаровывался всё больше и в верности, и в любви, и в том, что он когда-то посчитал безмерным счастьем.

В этот же день он навсегда отказался от своего имени и нарёк себя Безымянным. Счёл, что больше не достоин носить в своей душе такую величину...

Не смотря на всю боль, ревность и отчаяние, он не бросил свою жену, как и пообещал своему брату. Разочаровавшись в любви, он не разлюбил принцессу и готов был жить с ней до конца своих дней. Так всё и случилось...

Спустя месяц, на Рождество царь вновь посетил их деревню и узнал от местных, что натворил Велемир. Узнал в совершенно иных очертаниях, что есть на самом деле. Веле-

мир давно перестал приносить деревне прибыль, покончив с охотой на золото, потому языки были не прочь о нём потрепать, ведь теперь охотник на золото бесполезен для них. Так незаметно стали неблагодарными.

Люди поведали князю, что Велемир так избил свою жену, что всё лицо её было синим, а глаза ослепли от слишком жестоких ударов. Рассказали в тех красках, которые сами фантазировали себе холодными, зимними ночами, когда заняться было не чем. Царь был взбешён от выдуманной истины, ведь в жене Велемира он видел нечто большее, чем вкусное развлечение.

Вместе с солдатами отправился в их дом, а Велемир ждал его на пороге уже с мечом в руках, уже готовым умереть.

Он бился, как лев, но, всё равно, был схвачен. Они уволокли его в леса, в которых тот грабил, на глазах безразличных зевак. Покалечили его тело, и поставили на колени перед царём. Его заставляли молить о пощаде, но Велемир молчал – ему легче умереть, чем о чём-то молить своего врага.

Тогда царь лично лишил его колдовских глаз, поддавшись безмолвной вспышке ненависти, и бросил их собакам на съедение. А Велемир, даже не пискнул, словно ангел боли не нашёл дорогу в их безумный день.

–Как тебе, Велемир? Нравится без глаз? – прошипел ему тот.

–У меня нет больше имени, – тихо ответил Безымянный, словно до сих пор не чувствовал ни капли боли.

—Отныне, нет у тебя глаз, и в мир мёртвых ты войдёшь слепым! — злобно молвил царь, недовольный, что Велемиру не больно. — А сейчас, я лишу тебя твоего гнилого сердца! Ты не достоин хранить его в груди!

—Позаботься о ней, пожалуйста, — попросил Безымянный, — раз отбираешь меня у неё! Это моя последняя просьба!

—Ты последний человек, чью последнюю просьбу мне захочется выполнить! — ответил жестоко царь, поднёс нож к его груди и добавил сквозь зубы, чтоб, наконец, причинить ему боль. — К тому же, зачем она мне слепая?

—Вот как! — сквозь боль усмехнулся Безымянный и испытал самую сильную ненависть в своей жизни. — Значит, моя месть за твоё последнее слово будет долгой и мучительной! Я погублю весь твой Род! Клянусь тебе!

Царь хохотал его угрозе в лицо, не верил он в такие сказки про загробные миры, что из них возможно дотянуться до живых. Пронзил он ножом плоть большого человека и вынул его огромное сердце, взглянул на него с отвращением и отшвырнул от себя, как какую-то гадость. ...

Безымянная душа закружилась между водой и пламенем, долго выбирала, но выбрала не верно и оказалась во тьме. Угодила в низший из миров, что все зовут пропавшим, и, не смотря на величайшую мечту, сам отсудил себе одни страдания.

Попытался открыть глаза, но в мире мёртвых их не оказа-

лось. Попытался что-то почувствовать, но и сердца в груди не имел – лишь пустота, вместо животворящих стуков. Вдалеке он услышал топот чьих-то ног, звериный рык и крики, а через несколько мгновений на него кто-то набросился и начал рвать его тело на кусочки, а мысли в голове его шумели, что это всё он точно заслужил...

Две секунды от света до пропасти, один взгляд от вершины до тьмы. Всё добро пропиталось жестокостью, а у зла не осталось души. Угодил Велемир в лапы дьявола, чтоб поэму его продолжать. Всё, что было – мгновенно растаяло, всё, что стало – ещё не понять...

–

Увидев его жизнь, Милоун упала в кресло и с минуту копалась в своих мыслях. Надеялась найти что-то важное. Её шокировала концовка, но о ней думать не желала. Пыталась подобрать слова, чтобы передать своё восхищение тем, каким он был человеком, но не могла понять, как он умудрился стать демоном, да ещё таким жутким...

Долго смотрела в его глаза, которые, как оказалось, не его и желала разобраться, чего, на самом деле, он желает принести в их мир, но чужие глаза молчаливы. «Интересно, кому они принадлежат?!». – спрашивала она мысленно, но демон на это молчал, делая вид, что ничего не слышит.

Из девичьих очей обрушилась слеза, когда мысли напом-

нили ей о чём-то, и Милоун перевела свой взгляд на его грудь. Спросила себя: «Что под тканями прячется?», и демон раскрыл перед ней полы своей мантии, предоставил её взору прогнившую плоть и огромную, чёрную дыру, в которой не было сердца.

–Как же ты живёшь без него? – спросила она еле-еле, будто все силы покинули её, пока пропускала через себя путь человека, жившего тысячу лет назад.

Вместо ответа демон подошёл к ней ближе, улыбнулся слегка безразличием, провёл пальцами по её шее и вонзил в её нежность свои грубые когти, лишённые и остроты, и красоты, и бережности.

Глаза в глаза, Милоун не ожидала. Ей было невыносимо дышать. Пыталась вдохнуть воздуха, да побольше, но все попытки были обречены на безуспешность. Сознание поверглось помутнению, и Милоун упала на ледяные ладони демона ревности. Кожа побледнела, а её зелёные глаза приобрели нечеловеческую яркость.

Глаза были распахнуты, дыхание остановилось, а сердце еле-еле билось. Она не умерла – её, всего лишь, заразили ядом ревности и даже не поведали, за что...

–Ты не верь никому!

–Но мне хочется!

–Ну тогда ты терпи!

–Не хочу! На паркете от счастья я корчился, когда мысли просились к врачу...

Глава 4

Охота на живца.

Если ты для кого-то охотник, то добыча настигнет тебя на безлюдном, пустом повороте, и друг друга вы спросите: «Кто ты?», и друг другу ответите: «Я!».

Но не всегда охотнику по силам одолеть свою добычу. Порою, не поможет допинг, и не взлетит нечестная стрела...

Они шли, молча, погружившись в собственные мысли, как будто им не до чего. Только познакомились, а уже молчат.

Шель думала о незнакомых чувствах, что семимильными шагами топтались на душе. «Как такое возможно, не любя никогда, влюбиться с первого взгляда?» – спросила у чистого сердца, а то о чём-то пыталась достучаться, но незнакомым был его язык.

Конечно, сначала жутко испугалась появления демона. Не за себя, а за Райский город, за планету. Но пара мгновений, и чувства ей явились с ниоткуда, из пустоты, но построили в ней несокрушимые, воздушные замки...

Красота демона ей казалась идеальной, его сила – несравненной, его речь – бесподобной, и, даже сейчас, его молчание ей было по душе. Единственное, что настораживало, так это то, что он демон. Но, что она знает о демонах? Никто их не видел раньше. Это первый демон, которому удалось проникнуть в мир живых за всю историю человека. "Судя по всему, ему не один век, и он знает больше, чем я могу себе

представить, но не будут ли бестактны все мои вопросы?!».

Так любопытно нам узнать, как люди жили раньше, но при возможности нет времени спросить. Сейчас же, ей мешало не время, а боязнь неверно донести свой интерес. Боялась показаться глупой и ничего не знающей о жизни. Потому, просто, молча, поглядывала на него и тайно любовалась.

У демона пятницы мысли другие, не такие, как у неё. Он не мог понять, как она так сразу в него влюбилась, что в ней проснулась ревность. И это бесило немного. Страшился он, что к этому причастен его старый друг. «Неужели, заразил её ядом ревности?!» – скулил он и надеялся, что это не так.

В нём тоже мелькнули чувства, но их он ссылал на то, что очень много времени искал. Как бы он себя не обманывал, Шель не Хэлли. Это совершенно другой, незнакомый ему человек. Их разделяет пол тысячелетия, потому и промолвить нечего о их душевной схожести. Внешне близки друг к другу их очертания, но взгляд у них разный. Шель глядит на мир совсем иначе...

Этот неизвестный город был ему знаком. Даже близок, несмотря на то, что всё здесь для взгляда новое. Он даже руки широко расправил, улыбку распустил, как только понял, что в этом месте шесть веков назад так незаметно пролетели детство, юность и горячая пора.

Не желал демон зла этому местечку. И крови проливать ему не хочется, но, к сожалению, без этого никак...

Здесь играла странная, несовместимая с его ушами му-

зыка. Из каждого дома она доносилась, несмотря на то, что многие на празднике. Не все, конечно, но большинство.

Под ногами тротуар, на котором начерчены хмурые тучи, над головой высокие фонари. Они, словно свисали с неба и светили людям разноликими цветами. Ночь здесь не темна, а красочна, а звёзды в небе, хоть и ярко светят, но им не превзойти эти фонари, что сразу же запали в сердце демона пятницы.

Всё в Раю было создано для человека. «Интересно, какие здесь люди?!» – думал он, глядя на проходящую мимо влюблённую парочку. – «Наверное, не такие, каких уже встречал! Пропустил я много интересного. Обычно, видишь пару и думаешь о них: «Им не хватает лишь любви...», но, видимо, так было раньше, раз столько уже встретил я влюблённых глаз...» ...

С людьми, похожими на ангелов, его душа сияла, как звезда, и был похож на восходящее солнце. С людьми, похожими на демонов, он превращался в зло, и луна завывала на зов его рёва. Хорошо, что Шель больше похожа на ангела.

Он с ностальгией вспомнил обрывки своей жизни, то самое время, когда ещё был человеком. Частенько размышлял о секретах успеха, и всегда приходил к одному и тому же выводу: секрет не один, секретов безмерное количество. Каждому своё. Кто-то скажет, что каждый шаг нужно заканчивать красиво, а кто-то скажет, что насыщенно должен завершаться он, чтобы следующий шаг был переполнен предыду-

щим. И оба будут права, и правы будут все другие, кто предложит свои варианты.

И сейчас, уверенно шагая к своей долгожданной мечте, которую ждал шесть столетий, он верил, что всё сделает красиво, что всё будет насыщено, и всё у него получится. Не зря он так долго ждал, видит Бог, не зря...

–Шель, – неожиданно обратился он к ней. – Что нужно сделать, чтобы задуманное свершилось именно так, как ты сам этого желаешь?

–Наверное, – растерялась она, – это зависит от того, что ты задумал.

–А, если не зависит? – заставил её выше посмотреть.

–Думаю, нужно направить все свои мысли в идею. Не отвлекать свой разум на другое.

–Ты считаешь, что мысли сильнее действий?

–Думаю, мысли и действия должны стать единым целым. Лишь фанатики купаются в успехе...

Демон задумался над её словами, и это было для неё приятно, почувствовала себя более уверенно, даже осмелилась на вопрос:

–Почему ты так медленно ходишь?

Это очень бросалось в глаза. Он шагал царственно, никуда не спеша, будто вечная жизнь пред глазами.

–Чтобы все за мной поспели, – ответил ей демон игриво и неискренне.

Оглянулась – никого.

–Кто все? – спросил она, а он с ликованием заглянул в синие очи и промолвил ей:

–Все!

Ещё раз оглянулась, и что-то померещилось. Словно чья-то тень притаилась за персиковым деревом, желает проглотить плоды, но ничего не получается. Мурашки пробежались по коже, на коже и остались. В фантазии возникли образы холодных мертвецов, которые сопровождают демона. Воображение нарисовало ей несчастных ведьм и затхлых колдунов...

–Каково это, жить в мире мёртвых? – поинтересовалась она.

–Там ты, либо, что-то ищешь, либо кого-то ищешь, либо пытаешься найти дорогу в мир живых, – ответил демон долей правды и перевёл её интерес в другое русло, добавив. – Скажи мне, Шель. Как тебе удалось создать выход в мир живых?

–Это не я. Это Милоун.

–Нет, это ты. – настоял демон пятницы, и Шель задумчиво ответила на это:

–Мы не общались с ней раньше ни разу, а сегодня она нашла меня и рассказала, что наш город возможно спасти от пустыни. Для этого нам нужен демон пятницы, но для того, чтобы вызвать его, необходима я!

Демон остановился от этих слов, и глаза метнулись к Шель. Мыслей миллион, а варианта два: либо это заговор

против него, либо кто-то, действительно, решил ему помочь, что маловероятно. Вопросы к девушке были, но он решил сначала дослушать.

–Продолжай. – подбодрил он. – Мне интересно каждое слово.

–То же самое она рассказала и Кюне, – продолжила Шель, перебирая все события сегодняшнего дня. – Милоун убедила её, что и она нужна, чтобы вызвать тебя, а я, лишь стояла рядом и кивала. Сегодня Милоун дала нам последнюю надежду, а упустить её из рук было бы глупо. Я поверила ей, что демон пятницы существует, и, что он поможет нам. Тем более, наш город отмечает день рождения каждую пятницу тринадцатого, даже, если их несколько в году!

–Ты серьёзно?

Он был не удивлён, а шокирован, и на лице нарисован лёгкий испуг. Воспоминания, которым шестьсот лет, навалились на него своей тяжестью, и демон начал оглядываться по сторонам, словно ждал, что кто-то нападёт на них, что кто-то их догонит. В этот момент, он чувствовал, как кто-то за ними наблюдает, и это были две пары глаз, и обе до боли знакомы.

–Да, а что? – не поняла его реакции Шель.

–Это интересно. – ответил спокойно, без эмоций.

–Ты, ведь, сможешь нам? – с мольбой в голосе спросила она.

–Знаешь, Шель. Я не встречал людей вашего времени, по-

ка блуждал по мёртвым мирам. Но я встречал тех, кто был до вас. Многие из них жаловались на голод, на загрязнение планеты, на болезни, которые возможно исцелить, но люди от них умирали. На исправление всего перечисленного им не хватало денег, и это их погубило. Только вот, парадокс: в ваше время деньги это бумага, а не золото! Если вам жаль бумаги на исправление своих же ошибок, то о каком спасении можно мечтать? В моей империи была дорога каждая жизнь, а в вашем ужасном мире вы сами стремитесь скорее бы угробить всех и всю планету, жалея каких-то бумажек. Да и во снах я видел ваш мир, и у вас было столько возможностей победить пустыню, но жадность их все аннулировала, превратила в ноль, что так похож на круг.

–В нашем городе всё иначе, – ответила она обиженно. – Здесь лучше, чем в остальном мире! Я пришла сюда ребёнком, и ещё ни разу не была голодна, и ни одна болезнь не коснулась меня...

Но демон пятницы не слушал. Замер, как вкопанный и устоялся в одну точку. Этой точкой оказались Райские врата, что сотканы серебряными нитями. Буря густых эмоций настигла душу демона, когда он наслаждался Райской красотой. Казалось, ничего не в силах вымолвить, но, всё же, прошептал он своей королеве:

–Почему?

–Что почему?

–Почему я лишь сейчас их увидел?

–Сделай шаг назад. – ответила она с улыбкой.

Демон послушался, доверился девчонке. Совершил шаг назад, и врата потеряли свою видимость. Их можно видеть, лишь вблизи, издалека узреть их невозможно. Такова была задумка Бога, хоть не все ангелы с этим были согласны.

–Это, ведь, Райские врата! – воскликнул он, сияя от искреннего счастья.

–Да, это они.

–Ты не понимаешь! – воскликнул он, подняв палец вверх, и устремился взглядом в Шель. – Это настоящие, Райские врата! Они исчезли из Рая, и ищут их во всех мёртвых мирах, а они здесь – у живых. Знаешь, что это значит?

–Что? – спросила ошеломлённая откровением демона Шель.

–Что ваш Райский город скрыт от небес.

–Это плохо?

–Сложно так сразу ответить.

–А как же в Раю живётся без врат? – спросила она о том, что не могло её не беспокоить

–А это уже моя забота! – поразил он своим ответом, немного обидев, и спросил о своём. – Как же ты нашла дорогу в этот город?

–Город меня и позвал, но я не знаю для чего. Просто, шла на его голос и оказалась здесь. Всю жизнь хочу остановить пустыню, а, что хочет от меня Райский город, уже давно не интересно!

–Какая ты...

–Какая?

–Закрытая.

–Ты демон. Мне, вообще-то страшно, – играя голосом, ответила она, но шутки он не понял, прошёл мимо неё своим чувством юмора.

Заметил у обочины припаркованный, белый электрокар и подошёл к нему, ступая осторожно, напряжённо. Долго впибался он в стёкла, в колёса и фары. Глядя, на прогресс, демон был пропитан восхищением, но мечтал о том, что не дано, что временем давно уже упущено. Затем он промолвил:

–Жаль, что в моё время у нас не было того, что есть у вас. Мне хватило бы и одного процента ваших изобретений, чтобы накормить весь народ и сделать его счастливым! Мне хватило бы одного электрокара, чтобы изменить ход истории.

Дотронулся пальцами до крыши железяки, и завизжала жуткая сигнализация. Ударила демона по нервам, и реакция была незамедлительной. Прыжок вверх, и протаранил кулаком крышу электрокара, которая незамедлительно согнулась пополам. Затем ещё прыжок, ещё удар, и вмял он колымагу в объятия асфальта, и выдохнул порыв внезапной злости.

Шель ни слова на это не сказала. Не испытала шока, не была удивлена. Лишь почувствовала себя защищённой, увидев, на что способен её демон.

Недалеко от них, на той же обочине, стоял и мотоцикл, и демон в этот миг направился к нему. «Не, уж то, и его сейчас

сломает...» – подумала Шель, но у демона иные планы.

Величественно сел на «чёрного коня», ногой завёл его, руками выжал газ. И на лице такое выражение, как будто держит в своих лапах саму жизнь. «Неужели, он умеет управлять им?» – мелькнуло в мыслях Шель.

– Нам нужно туда! – воскликнул он и указал пальцем на другой конец Райского города.

– Что? Через весь город? Там же праздник, там много людей!

– Ты меня стесняешься? – попытался пошутить.

– Нет.

– Садись!

И Шель пришлось сегодня быть послушной. Вжалась ладонями в своего демона, облокотилась на него щекой и доверилась полностью. Уверена была, что с ним она не разобьётся, что с ним ей не дано погибнуть, пострадать.

Демон пятницы выжал газ до предела, и мотоцикл заревел, как зверь, предчувствуя дорогу. Они пулей мчались по городу на той скорости, что ещё вчера не была доступна этой железке. Мимо мелькали дома и витрины, превращались в радугу сады, а люди не успевали поднять голову, чтобы увидеть, что за рулём не человек, а что-то отдалённое от этого понятия.

Впереди площадь, на которой уже давно шумит праздник, перед площадью трамплин, высотой десять шагов. Стоило демону увидеть его, как в голове мелькнуло воспоминание

из детства, и направил он руль в неизвестность. Не знал он, получится ли взлететь или придётся на кого-то приземлиться, да и монету не успеет бросить. Рискнул и прыгнул, и пролетели вместе с Шель над площадью, над головами изумлённых людей. Очи их восхищённо лицезрели маленькое чудо, руки не забывали аплодировать, а мысли сочли, что это фокус какого-то трюкача, тоже пожелавшего быть первым. И доля правды в их мыслях, конечно, была...

Мотоцикл приземлился за площадью, ударился колёсами в асфальт, но не развалился на кусочки, ведь сотворён душой, а не соплями мастера.

Шель, чуть не слетела из седла от тяжкого удара, но удержалась, чуть не порвав рубашку жоака, а демон лишь сильнее выжал газ, и мотоцикл рванул на встречу с пропастью. Теперь, они мчались к обрыву. Теперь, им осталось чуть-чуть.

Девушка думала, что он остановится перед ним, но скорость не падала, и демон был намерен сигануть с обрыва и наплевать на то, что за спиною хрупкий человек, который так легко может разбиться.

– Там обрыв! – кричала Шель. – Обрыв!

– Держись! – ответил безразлично он и не нажал на тормоза.

Мотоцикл полетел со стометрового обрыва, и дыхание сжалось в груди юной девушки, а мысли промёрзли от дыхания смерти. До последнего момента ей казалось, что они

разобьются, ведь, хоть и по дуге, но мотоцикл падал вниз.

Последний момент наступил, как ни кстати, вовремя. Мотоцикл прекратил падение над макушками высоких елей. Коснулся их колёсами и полетел вперёд, и Шель кричала на весь город так, как лишь дитя кричит от восхищения. Восторг, её переполнял восторг, и он пришёл к ней не с востока, а, видимо, из Райских мест. В этот миг, Шель запудрила себе голову и решила, что демон пятницы все столетия жил в этом Раю и чувствует каждый его уголок...

Скорость их полёта начала снижаться ещё в воздухе, и мотоцикл приземлил себя перед холмом, за которым расположились последние леса, и начиналась пустыня. «Видимо, он, и правда, хочет нас спасти, раз привёз меня к одной из окраин.» – ошибочно подумала она и закружила взглядами по ней.

Демон слез с мотоцикла, протянул руки к тонкой талии девчонки и поднял её с удобного сиденья, как пушинку. Аккуратно поставил на землю, но рук с её тела убрать не спешил. Ему было тепло, да и она уже не чувствовала холод.

Глаза смотрели друг на друга, улыбки молвили, что не предадут, а губы демона дарили откровенность:

– Демоном становятся, не потому что желаешь всем зла. Нет! Хоть я и демон, но я не желаю зла всем людям, не желаю разрухи ни дому родному, ни Родине своей! Ни один демон не желает зла тому, что было для него родным...

Лишь сейчас, слыша эти непустые слова, Шель вспомнила

кое-что и засияла от этого воспоминания.

– За этим холмом небольшой, заброшенный сад. – начала она своё объяснение и продолжила, пылая от эмоций. – За садом этим начинается пустыня, а на их границе стоит монумент, посвящённый книге, и на этой книге нацарапано твоё имя!

Как гром и молния, её слова. В приятном смысле, конечно же. Вспомнил ещё одно детское воспоминание, ведь часто вечерами, часами он глядел на монумент и рассказывал брату о своём желании. Но брат это последний человек, который пожелал бы исполнить его детскую, наивную мечту.

– Кто сказал Милоун, что я способен спасти ваш город? – внезапно, осенило его. – О том, на что я способен, знают немногие...

– Сказала её мама. Она находится в мире пропавших мёртвых. Ей рассказали о тебе.

– Кто? – с нетерпением спросил Триум.

– Какой-то безглазый старик!

От этих слов демон пятницы сжался, как листок, заставший день морозный. На лбу появился пот, а руки задрожали. Он начал лихорадочно думать, для чего безглазый старик помог ему – чтобы искупить вину перед ним или, чтобы погубить его заново. Их последняя встреча закончилась очень неоднозначно. Прежняя уверенность демона пятницы немного пошатнулась, и он, вновь, начал оглядываться по сторонам, ожидая, что заметит врагов, но никого не было –

лишь красивые, зелёные деревья восстали перед глазами, а в них, уж точно, нет никакой враждебности.

–Что с тобой, Триум? – с беспокойством спросила Шель.

–Всё хорошо. – ответил он сухо, без мастерства солгав.

–Просто, у тебя не было лица, когда я сказала про безглазого старика. Оно стало таким бесчеловечным...

–Потому что это я лишил его глаз! – ответил он жестоко и немного возвышенно, поразив её сутью своих слов.

Теперь, и Шель было не спокойно за себя и за свой город, и сомнения глобальным роем прорвались в её душу и начали душе вредить, кусая её веру, шепча ей, что нет в пути её гладкости, что всё будет не так, как она того желает!

"Действительно, зачем этому старику помогать демону пятницы, если тот лишил его глаз?! Получается, и Райскому городу помочь он не желал и планете своей, несмотря на то, что она всем когда-то принадлежала. Тогда, как всё это понимать? Тогда, что нам ждать от пятницы тринадцатого?!".

Вопросы плыли в голове, но нет ответов, и не увидишь на обратной стороне, и до конца пути не все найдут билеты, хоть вся дорога нарисована в душе...

–Зачем он тебе? – не понимала Милоун, сидя за рулём чёрного электрокара, что был угнан ею часом ранее.

Демон ревности сидел на переднем сиденье и внимательно-

но следил за дверью дома, в которую вошёл Бернард несколько минут назад. И сейчас он не желал отвечать на какие-либо вопросы, но в девчонке его яд, и нужно время, чтобы он ужился в ней. Её скоро начнёт давить на сон, но нельзя, чтобы она засыпала, иначе яд не подействует, и многое пойдёт не так, как бы хотелось.

Милоун провела с ним больше часа и чувствовала себя истощённой, лишённой прежних красок жизни. Яд демона бурлил под кожей, в её огненной крови. Яд влиял на душу и на каждую мысль, что приходила в тёмную голову. Он, как вампир, но пьёт не кровь, а жизнь, но ей хотелось ему верить. Иначе, и не будет шансов на жизнь.

Уже успел шокировать её ни раз за это время, и ей было страшно представить, каков его следующий шаг.

–Зачем тебе лучший боец Райского города? – перефразировала свой вопрос, нахмутив брови, и в голосе металось нетерпение.

–Сколько тебе лет, девочка? – ответил демон ревности вопросом, в котором был лучше неё осведомлён.

–Мне двадцать два.

–Тебе сегодня день рождения! Ты знала?

–Нет. – прошептала она, искренне удивившись, и захотелось узнать больше о самой себе, но всему своё время.

–А ты представь на миг – мне больше тысячи лет, и большую часть из них я провёл без глаз. Просто, представь – видеть только тьму шестьсот пятьдесят лет! И, знаешь, это бы-

ло несправедливо! Я жил по законам чести – и если убивал, то врага и, глядя ему в глаза, а не в спину, как трус! Но, даже я лишился глаз! Пойми, я всё это делаю ради мечты и справедливости. Этому человеку глаза были даны для другого, и он никогда не поймёт для чего, если ему не помочь.

–Почему хочешь помочь ему?

–Я его демон-хранитель. – удивил её своим ответом.

–А как так получилось? – растерянно спросила она.

–Долгая история. – промолвил тихо и добавил. – Помогли мне когда-то его близкие...

–Ты хочешь его на свою сторону?

–Нет. – ответил он протяжно, растворившись в собственной улыбке. – Мы слишком разные с ним...

–Насколько?

–Я хочу со всех людей планеты сорвать маски! – воскликнул он так громко, что взбодрил, заставил позабыть о сне на несколько минут. – Желаю показать им их истинные лица! Ну а Бернардио другой, на нём не мало масок, но это не значит, что лучше не мешать ему тонуть. Ты, просто, ещё не знаешь, что я задумал, но яд скоро подействует, и ты всё увидишь сама моими глазами и не пожелаешь встать у меня на пути...

Закончив интригующее слово, не дал Милоун погрязнуть в бесконечных мыслях. Он начал рыться в кармане своей мантии с таким видом, словно что-то вспомнил. Достал кусочек зеркала, лишённый идеальной формы, и утонул в нём

яркими глазами. Милоун с любопытством глядела на это маленькое зеркальце, но видела в нём лишь гнилое отражение демона ревности.

–Любуешься? – съехидничала она.

–Пыталась пошутить? – спокойно ответил он, на секунду оторвавшись от зеркала.

–Что же ты в нём видишь? – стало интересно ей.

–Мы с тобой похожи, Милоун. Ты, ведь, тоже любишь зеркала, хоть и не умеешь ими пользоваться. У меня была интересная жизнь в мире мёртвых – после столетий тьмы я провёл четыре века в зеркалах, а в них каждый день что-то новое. Что вижу, говоришь? Да всё, что только пожелаю...

Человек, которого они недолго ждали, не дал закончить демону досмотреть то зрелище, что творилось в его зеркале. Бернард вышел из дома и поспешил к своему, припаркованному на обочине, электрокару. Лицо его было пустым, он был взволнован, не знал, как поступить, но следующий момент ему подскажет.

Стоит ли делиться со всем городом своей, страшной тайной? Ведь не доказать никак, что те девушки общались с демоном. Скорее, тебя сочтут сумасшедшим, чем поверят в подобную чушь. Так многие бы думали на месте Бернарда, потому он ещё ни единой душе не поведал о том, что натворили три девушки...

Демон ревности, не сказав ни слова, вышел из машины и не хлопнул дверью, чтобы не спугнуть. Направился к па-

реньку, аккуратно ступая на серый асфальт, а Милоун, затаив дыхание, глядит на всё со стороны и ждёт, чем может всё это закончиться. Благодеяния от демона с гнилым лицом обычные люди не ждут, потому ей было заранее жаль глазастого мальчишку.

–Бернард! – зарычал демон, не останавливая шагов, и перед тем, как продолжить слова, снял капюшон, показав тому всю свою безобразность. – Мне не понравилось, что ты сбежал! Я долго ждал встречи с тобой, но первое, что ты мне показал это трусость!

Бернард застыл в одной позе и долго пытался поверить глазам, что это не сон, что это существо, видимо, и заставило его сбежать. Когда переварил слова, холодным разумом ему ответил:

–А, что бы ты предложил? Зайти к ним в дом? Поговорить со всеми вами?

–Я бы их спас. – скосил Бернарда своим словом. – Потому мне стыдно за тебя...

Замолчал на секунду юный воин, сжал ладони в кулаки, а потом ответил звериным шёпотом, заглянув демону в глаза:

–Ты себе сначала помоги, раз так убого выглядишь!

–Тебе важно, как я выгляжу?

–Да. – честно ответил он и добавил. – Я думаю, что демонам не место в Раю!

–А я думаю, здесь всем не место! – ответил демон ревности, и этой фразой завершился диалог, ведь наш Бернард из-

рядно разозлился.

Два шага для разбега мало, но был высоким его прыжок, изящным пируэт, а в грудь удар ногой сильнейшим! Но демон отступил только на шаг и не пошатнулся, но посмотрел очень растерянным и удивлённым взглядом. Однако, Бернард ударил ещё одиннадцать раз. И так рычал, как будто зверем раненым он был, и лишь тогда демон ревности дрогнул и отлетел, расправив свои руки, на несколько шагов.

Он пал от дюжины ударов, так и не отразив ни один из них. И он удивился каждому! Пока его избивали, не сорвал с уст ни единого слова, чем заслужил уважение Бернарда. Уважение не пылится, всегда оно пригодно.

Был скошен кулаком он под конец, и лишь тогда Милоун вышла из электрокара, но не для того, чтобы помочь, а поближе рассмотреть победу человека. Выйдя из машины, она простучала до демона на своих удобных каблуках, изящно виляя бёдрами, бесстрастно шевеля умом, а остановилась лишь в трёх шагах.

Обессиленный Бернард подошёл к своему электрокару, но открыл пассажирскую дверь и пригласил Милоун изящным жестом. Натяжно поклонился, заглянул в глаза, и та улыбнулась, конечно же, этому. Глаза мерцали сиренью, и в сердце надежда сияла, но душа не рвалась к этому человеку. Бернард ей никто, он далёк от всех её мечтаний. Лишь помотала головой в ответ и даже слово не подарила, несмотря на то, что он принёс ей надежду на спасение.

Сказать, что Бернард удивлён – ничего не сказать. А ещё он был разочарован этой девушкой, и взглядом это ей, конечно, на прощанье показал. Она выбрала демона, а не человека, и для Бернарда этот аргумент всё говорит о ней.

Его бодрый кар, как и подобает современному веку, разогнался мгновенно и на бешеной скорости снёс со своего пути всю пыль Райского города и умчался к Райской площади, где собрались тысячи людей...

Перевела взгляд на «своего» демона, и ей показалось, что его тело было сломано пополам, и ему уже не встать. И он, пока что, оправдывал это ощущение – не вставал и не шевелился, и ни хрипа не слышно, ни стопа.

В глубине души девушка надеялась, что демон ревности больше не поднимется, что ревность не такая уж живучая, как многим кажется. Обычно, надежда умирает последней, но не сегодня.

Подошла к нему на расстояние протянутой руки и заглянула в его безжизненное лицо. Веки были прикрыты, а голова неестественно повёрнута, а подбородок и вовсе расплющило. Такое ощущение, что по нему прошёл поезд, а не Бернард.

Странно, но, только сейчас, Милоун узрела, что когда-то он был не дурен собой. Можно сказать, и красив. За то время, что провела с ним, она этого не замечала. Смерть ему, явно, была к лицу.

Демон ревности раскрыл свои ярчайшие глаза в тот мо-

мент, когда не ждёшь, и она отпрыгнула от него, как от шипящей змеи.

–Руку! – прохрипел он.

Девушка поспешила её подать, и он жадно схватил тёплую ладонь, и Милоун, лишь ёмче ощутила, как он черпает в ней силу и чувства. В неё проскользало ощущение, что она теряла любовь к этому миру, что угасала верность себе. Пусть и обманчиво всё это, но было очень страшно – не за жизнь свою, а за душу.

Демон ревности поднялся и оттряхнул свою мантию от разбитого стекла и ненужных червей, а Милоун пошатнулась и собиралась упасть от бессилия, но тот её поймал. Когда она лежала на его руках и распахнула свои очи, она увидела, что демон стал похож на человека. Его кожа стала менее гнилой, и отверстий в ней, стало меньше. Прорезались какие-то черты.

Когда пришла в себя и могла устоять на ногах, демон оглянулся по сторонам и глубоко вдохнул свежего воздуха, прикрыв свои никчёмные веки.

–О, как прекрасен этот мир! О, как мне здесь нравится! – воскликнул воодушевлённо он, несмотря на то, что только что его отделал человек.

Милоун посмотрела на него косо и непонимающе. "Что прекрасного он видит здесь? Чем нравится ему этот мир?" – не понимала она и жутко ревновала к тому, что ему здесь всё нравится, а ей уже нет.

–Ну что, Милоун, – ухмыльнулся ей демон. – Говорят, что в вашем Раю проводят бал в честь пятницы тринадцатого, – и добавил, злобно прорычав. – В честь моего врага!

–Кто говорит?

–Ты...

–И что? – безразлично спросила она. – Едем на бал?

–Да! Хочу я танцевать! – воскликнул старый демон и продолжил хриплым, леденящим шёпотом. – К тому же, Бернард знает, что я его найду, где бы он не спрятался, ведь из города никто не может выбраться, пока стоят тут Райские врата! Вы все, как загнанные в клетку звери! Вам некуда бежать! Увидев что-то страшное, люди бегут к людям – в этом ваша надежда на спасение и на светлое будущее. Но я вижу в этом лишь вашу слабость...

И в этот раз он не доверил руль своим рукам, несмотря на то, что Милоун была очень слаба. Изящность её ног ударила по газу, а фары яркие подбросили свой вызов темноте, и кар на всех парах помчался на встречу, либо с новым злом, либо добром, либо, просто, с чем-то новым, несмотря на то, что все дороги ведут в Рай...

Триум держал нежную руку Шель в своей, когда они взбились на холм. На секунду она, даже почувствовала покалывающее тепло, но, лишь на секунду. Затем оно обратилось

в лёд и испортила впечатление. Но его загадочность важнее тепла, хоть сердце понимает, что вместе с ней всегда не будет...

Демон пятницы целенаправленно и быстро шёл вперёд, и с каждым шагом склон был только круче, пытался он гостей столкнуть. Триум почти бежал, почти летел, а Шель за ним совсем не поспевала. То неуклюже падала, цепляясь за сухие ветки, то спотыкалась о темноту, но его это лишь веселило – он бежал ещё быстрее и сильнее сжимал её руку. Триум испытывал величайшую эйфорию от того, что это была его Родина! Пусть здесь всё полностью изменилось со временем, но это было его родное местечко, где дышится приятно и легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.